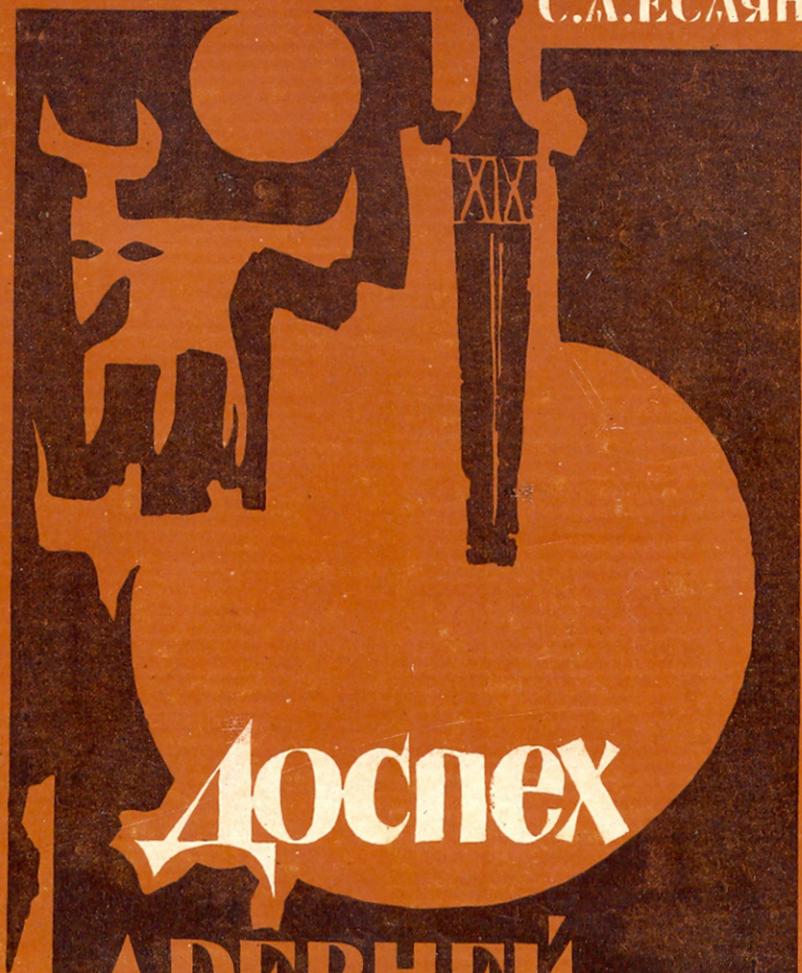

С.А.ЕСАЯН

Доспех
ДРЕВНЕЙ
АРМЕНИИ

С. А. ЕСЯН

ДОСЬЕХ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

ББК 63.4(2)

Е 815

Р е ц е н з и т: канд. историч. наук **В. А. АЛЕКШИИ**

Есаян С. А.
Е 815 **Доспех Древней Армении. — Ер.: Изд-во Ереван. ун-та, 1986. 88 с.**

В книге впервые в археологической литературе рассматривается комплекс оборонительного вооружения древней Армении (III—I тыс. до н. э.). Разработана типология его различных видов (щиты, шлемы, панцири, нагрудники и т. д.), освещены вопросы производства и применения доспехов.

Е $\frac{0507000000-24}{704 (02) - 86}$ 54—86

ВВЕДЕНИЕ

Появление защитного снаряжения, приведшего к возникновению и оформлению доспеха у племен Армянского нагорья, произошло в глубокой древности, однако, самые ранние материалы относятся лишь к эпохе ранней бронзы (III тыс. до н. э.).

Эпоха ранней бронзы Армянского нагорья знаменует не только новый значительный подъем хозяйства его аборигенов, но и характеризует качественно более высокий уровень развития земледелия и скотоводства. Прежде всего, более высокого уровня достигает техника земледелия. Вспашка производится уже примитивной сохой. Obsидиановые пожевидные пластины повсеместно заменяются более совершенными серпами с кремневыми, чаще obsидиановыми вкладышами. Наряду с ними уже во второй половине III тыс. до н. э. появляются бронзовые серпы (Гарни, Нахичевань).

Высоким достижением этого времени является появление четырехколесных повозок, которые значительно увеличили возможности перевозок урожая с отдаленных необрабатываемых ранее участков.

Появление и применение в Передней Азии телеги, запряженной быками, как и вьючного транспорта (ослы) в Северо-восточной Африке, происшедшее между 4000 и 3000 гг. до н. э., по мнению Г. Чайлда было важнейшим достижением человечества¹.

Как видим, с самого начала появления колесного транспорта, племена Армянского нагорья были участниками этих важнейших достижений человечества.

Широкое развитие у племен Армянского нагорья получает и скотоводство. Именно в это время появляется отгонная форма скотоводства, приведшая к постепенному освоению горных и даже высокогорных районов этого обширного края.

Есть серьезные основания говорить о доместикации лошади на Армянском нагорье уже в конце V—начале IV тыс. до н. э., которая в III тыс. до н. э. приобретает все большее значение, в связи с от-

---

¹ Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949, с. 124.

гонным скотоводством, и играет огромную роль для связи кочевков с поселениями.

Высокий подъем в культурно-историческом развитии племен Армянского нагорья в эпоху ранней бронзы был вызван и широким развитием металлургического производства. Именно в эту эпоху Армянское нагорье и Закавказье становятся одним из крупнейших очагов металлопроизводства Старого Света².

Большое количество находок проушных, вислобушных, трубочатообушных топоров, различных видов клевцов, черенковых копий, кинжалов, ножей, серпов и т. д., а также литейных форм многих из указанных изделий, найденных в Шенгавите, Ереване, Леникане, Севанском бассейне, Гарни, Нахичеванском Кюль-тепе, Квацхелеби, Сачхери и т. д. свидетельствуют не только о значительном развитии металлургии, но и о тесных связях с Передней Азией посредством обширной торговой сети, охватывавшей весь Древний Восток от Тигра до Инда, от Окса и Ефрата до Нила³.

Армения, связанная с этой грандиозной сетью приевфратскими путями, являлась одной из основных областей, обеспечивающих культурно-хозяйственные взаимосвязи между Востоком и Западом⁴.

Развитие хозяйства в целом, и особенно отгонного скотоводства, способствовало появлению больших накоплений в руках отдельных лиц или семей. Начавшая развиваться имущественная дифференциация привела к дальнейшим социальным сдвигам у племен Армении и Закавказья, что четко наблюдается по погребальным комплексам указанного времени (Параванское озеро, Хаченагет, Степанакерт, Беркабер, Сачхери, Бедени и т. д.).

В условиях сильно развивающегося хозяйства, особенно отгонного скотоводства, появившейся социальной дифференциации, наблюдаемой не только по погребальным комплексам, но и по замечательным образцам древневосточного оружия, значительная часть которого производилась на месте, усиливаются межплеменные стычки. Об этом свидетельствуют не только широкое распространение наступательного оружия, но и появление ранних циклопических крепостей (Шенгавит, Кахси, Гегарт, Ноемберянские Шаглама I и II и т. д.), которые впоследствии плотной цепью опоясывают почти все Армянское нагорье.

Указанные причины, вызвавшие развитие военного дела у древних племен Армянского нагорья, обусловили и его значительную роль в повседневной жизни. Охрана поселений, посевов, пастбищ или отар и стад от набегов соседних племен привела к тому, что эти

² Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 390.

³ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, сс. 258—260.

⁴ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 41.

племена могли существовать, лишь имея мощную военную организацию. Без нее были немислмы ни труд земледельца, ни скотовода.

К обществу Армении эпохи ранней бронзы полностью можно отнести известную характеристику условий древней общины, сделанную К. Марксом, согласно которой община в то время была организована по-военному, как военная и войсковая организация, что явилось одним из условий ее существования в качестве собственности⁵.

Естественно, что наряду с общим развитием военного дела, широким распространением боевого наступательного оружия, должны были развиваться и защитные средства, которые по-видимому были также широко распространены, как и наступательное оружие, но не сохранились до наших дней, так как они были в основном кожаными.

Подобная картина повторяется и в последующие эпохи средней и поздней бронзы, когда не только широко развивается местное производство металлического наступательного оружия, с широким применением и освоением импортных форм, но и реорганизируются как состав племенных дружин, так и методы ведения боя. Так, в эпоху ранней и средней бронзы были характерные для своего времени формы ведения боя. Бой, где принимало участие все боеспособное население (при защите от нападения противника) или малочисленные дружины (при нападении на поселения или летние пастбища соседей) велись группами или парными схватками.

Широкое появление боевых колесниц и возникающей конницы с применением металлических удили и упряжи (взамен кожаных) не только влияет на тактику военных действий племенных дружин, но и сильно влияет на развитие защитного снаряжения.

Судя по находкам предметов защитного снаряжения и памятникам изобразительного искусства, возникают новые формы ведения боя, когда воины выстраивались в тесно сомкнутые, глубокие ряды, в одну или несколько колонн. Подобное построение, целиком вытекающее из общественного уклада, четко видно на Степанаванском поясе, на котором изображены воины, построившиеся в одну колонну и, под предводительством вождя, наступающие на противника.

По-видимому, уже с этого времени часть тяжело вооруженных воинов, а также колесничных и конников составляли постоянную дружину племенных вождей. В военное время эти дружины пополнялись боеспособным населением определенного возраста, выступавшим со своим оружием. Воины в основном делились на лучни-

---

⁵ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Вестник древней истории, 1940, № 1, сс. 11—12.

ков (вооружение которых состояло из лука, колчана, панциря, широкого защитного пояса и кинжала), и копейщников, вооруженных копьем, кинжалом, мечом и щитом.

Дружины племенных вождей и их объединенные силы в эпоху поздней бронзы и раннего железа, по-видимому, состояли из легкой и тяжелой пехоты, колесничных и конницы. Это предположение основывается не только на анализе войска племен Армянского нагорья и материальной культуры, особенно предметов вооружения, но и памятников духовной культуры.

Естественно, самой большой составной частью дружин вождей было пешее войско, делившееся на легкую и тяжелую пехоту.

Несомненно, племенная знать и часть отличившихся в боях воинов были вооружены защитным снаряжением, и, выступая в первых рядах, создавали массивный кулак для прорыва фронта (центра) войск противника. Воины выступали в подпоясанных кожаными поясами рубахах или кафтанах. Племенная знать носила бронзовые пояса и обшитые бляхами и дисками панцирные рубахи, а на головах бронзовые шлемы различных форм. Рядовые воины, по-видимому, выступали в войлочных или обитых кожей деревянных шлемах. Они были вооружены круглыми или полуцилиндрическими щитами, топорами, секирами, копьями, кинжалами или булавами.

Вооруженные тяжелыми секирами и копьями, воины должны были занимать одно из ведущих мест и представлять грозную силу при ближнем бое, в котором основную роль играли копья и мечи, и особенно при рукопашной схватке, когда, смешавшись с противником, они пускали в ход секиры, кинжалы и булавы, а громоздкие копья фактически становились бесполезными.

Это снаряжение, характерное для тяжелой пехоты, по-видимому, без изменения применялось также всадниками, составлявшими отряды конниц, вооруженных мечами. Что же касается колесничных, которые появляются во второй половине II тыс. до н. э., то они имели большую ударную мощь и являлись грозной силой для прорыва фронта и преследования рассеянного противника. Лавина наступавших колесниц с тяжеловооруженными воинами в кузове легко могла прорвать фронт и открыть широкое поле деятельности для легкой вооруженной пехоты и конницы. Особенно большую роль играли колесницы на равнинах. Естественно, они имели большую ценность и могли использоваться лишь племенной знатью. Что же касается конницы, она начинала играть все большую роль при разведке, охвате флангов рассеянного противника и его преследовании.

Более поздние ассирийские источники дают возможность говорить о наличии колесниц в составе племенных дружин Армянского нагорья. Так Саргон II упоминает, что в Бит-Буритини (в го-

рах малоазийского Тавра) он захватил 100 колесниц⁶, а в Бит-Замани (верхнее течение Тигра), в Шуприи (Сасун) о получении дани колесницами и упряжными конями⁷.

Как видим, ассирийские источники упоминают о захвате и получении дани и упряжных коней в этих и других областях. Особенно интересен факт захвата в Бит-Буритнии 100 боевых колесниц, которые соответствуют числу боевых колесниц, применявшихся урартами в том или ином походе.

Что касается легкой пехоты, то она в основном состояла из лучников и пращиков. Лук, конечно, применяли и тяжело вооруженные воины, но редко, и то, судя по древневосточным изображениям, при штурмах крепостей, прикрывая стрелами легкую пехоту.

Несмотря на иррегулярный состав дружин племенных вождей, они имели определенный характер воинской организации. Методы и условия ведения боя в гористой Армении подсказывают, что без охраны спереди и с флангов передвижение на территории противника было невозможным, так как с любого выступа нависающей скалы мог посыпаться град камней и стрел. Сами войска также должны были двигаться в определенном порядке, о чем говорят изображения на бронзовых поясах. Так, на замечательном поясе эпохи раннего железа из Астхи блура⁸ показана сцена движения и порядков войска. На переднем плане стоит фигура лучника, за ним — боевые колесницы, а за ними следуют всадники.

Исходя из этого можно предположить, что на марше впереди двигалась пехота, за ней колесницы и замыкала строй конница.

Такое расположение, когда впереди идет тяжеловооруженная пехота, регулирующая шаг всего войска и имеющая возможность расступиться и, при необходимости, дать выход ударным силам — колесницам и обхватывающей фланги коннице, — весьма примечательно с военной точки зрения. По-видимому, такой строй войска возник в глубокой древности и получил, судя по вышеуказанным изображениям, большое развитие в Урарту и в соседних странах. Этот же строй впоследствии применялся в древнеармянском войске, по крайней мере, когда оно действовало в составе ахеменидской армии, где оно не только перенимало опыт и методы ведения боя, но и развивало свою тактику, используя при этом и методы противника. С этой точки зрения весьма примечателен один из ночных маршей и «боевой» приказ Кира, из которого видно, что для

---

⁶ Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту- (АВИИУ) 46, 165.

⁷ АВИИУ 23 (П, 2) и 26.

⁸ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении. Ереван, 1976, с. 114.

регулирования движения в ночном походе впереди войска, в составе которого действовали и армянские части, шли тяжеловооруженные пехотинцы, за ними — легкая пехота, обоз, и замыкала колонну конница⁹.

Возвращаясь к истории военного дела и доспеха древней Армении, нужно указать, что особенно сильные изменения в них происходят после организации урартского государства, когда в вооружении его иррегулярной армии взамен хеттского доспеха начинает широко применяться ассирийский, с определенным местным характером. Однако нужно учесть, что хотя из ассирийских источников и археологических раскопок известно, что в Урарту было огромное количество бронзовых щитов, шлемов, панцирей и т. д., эти изделия встречаются чрезвычайно редко, так как основная масса воинов по-прежнему носили кожаный доспех.

Ранняя форма этого доспеха хорошо известна по древневосточным памятникам, откуда явствует, что он изготавливался из кожи, подвергнутой «сухой» обработке. Подобная обработка придавала коже большую твердость, плотность и прочность, при этом хорошо сохраняя приданную ей форму. Именно из такой кожи в древности изготавливали колчаны, панцири, ею же обтягивали передки боевых колесниц¹⁰.

До наших дней из предметов защитного снаряжения (доспеха) сохранились лишь их металлические части (остатки панцирных рубах и умбоны щитов). Однако древний облик воинов, их вооружение хорошо известны по памятникам древнего искусства. На многочисленных бронзовых поясах конца эпохи поздней бронзы и железного века сохранились изображения воинов в шлемах, поясах и налобных пластинах, с щитами в руках, иногда одетых в панцирные рубахи. Кроме того, известно множество бронзовых фигурок вооруженных воинов. Все эти изделия позволяют не только восстановить облик древнего воина, но и классифицировать и проследить этапы развития доспехов.

Мы не располагаем сведениями о ранних находках щитов и шлемов. Щиты, скорее всего, появились одновременно с панцирями. Отсутствие ранних находок следует объяснять не редким их применением, а тем, что в подавляющем большинстве они изготавливались из дерева, прутьев и кожи, поэтому не сохранились в древних захоронениях. Металлические же покрытия этих щитов в виде дисков,

---

⁹ Ксенофонт Киропедия, кн. 5, гл. II, III, 35—43; Есаян С. А. Армянское войско в эпоху Ервандидов. Вестник общественных наук АН Арм. ССР. № 12, 1969, с. 65.

¹⁰ Лурье И. М. История техники Древнего Египта, в сб.: Лурье И. М., Ляпунова К., Матье М., Пиотровский Б., Флитнер Н. Очерки истории техники Древнего Востока. М.—Л., 1940, с. 218.

блях и т. д., часто встречаемые в погребениях, обычно принимались исследователями за остатки панцирей. Во избежание путаницы все металлические покрытия доспехов, исследуемые в данной работе, будут также рассматриваться как остатки панцирей, но с оговоркой, что они с таким же успехом могли служить и покрытием не только щитов, но и панцирных ворот (некторалей) и поясов¹¹.

---

¹¹ Об этом свидетельствуют находки бронзовых конических умбонков от плетеных щитов, найденных при раскопках урартской крепости Тейшебани, а также средневековых обитых кожей деревянных щитов из крепости Анберд, которые дополнительно укреплялись умбонами и бляхами (см.: Арутюнян С. В., Анберд, Ереван, 1978, сс. 85, 86). Новые находки свидетельствуют о том, что металлические пуговицы служили и для покрытия кожаных поясов. Так, кроме давно известного из раскопок Ж. де Моргана в Шейтан-даге кожаного пояса, обшитого пуговицами (см.: J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, Paris, 1889, с. 51), недавно из раскопок Л. Н. Бигова близ села Агавнадзор Разданского района Армении в одном из погребений прослежены следы кожаного пояса шириной в 12 см, на котором было расположено 15 крупных бляшек и пуговиц.

Щ И Т Ы

Древнейшие щиты аборигенов Армянского нагорья известны, в основном, по памятникам изобразительного искусства. Наиболее интересными являются изображения воинов на поясе из Степанавана, датируемом концом II тыс. до н. э.,¹² в центральной части которого показано движение строя пеших воинов. Впереди строя изображена фигура вождя, держащего в левой руке большой полуцилиндрический щит с расширенной нижней частью и узким округлым верхним бортом (таб. 1, рис. 2). Вождя сопровождают семь воинов меньших размеров, каждый из которых левой рукой держит точно такой же щит, а в высоко поднятой правой — копье, как бы собираясь пронзить им противника.

Изображения подобных щитов имеются и на фрагментарно сохранившемся поясе из Ноемберяна, датируемом началом I тыс. до н. э.¹³ В верхнем ряду этого пояса изображены водоплавающая птица и лошадь, от фигуры которой сохранились лишь голова и частично ноги. За лошадью, спиной к ней, стоит воин, от изображения которого сохранились ноги в чувяках с изогнутыми носками и рука с полуцилиндрическим щитом (табл. 1, рис. 1). В щит вонзились пять стрел с треугольными наконечниками и оперением на древках. Лицом к воину со щитом стоит лучник, от фигуры которого также сохранились лишь ноги в таких же чувяках и часть руки, в которой он держит лук со стрелой.

На обоих поясах изображены батальные сцены, но в отличие от степанаванского, на ноемберянском поясе показан не бой между племенными дружинами, а схватка между двумя спешившимися всадниками. Щит воина, изображенного на поясе из Ноемберяна — плетеный, а не металлический, так как стрелы не отскочили, а вонзились в него.

Помимо графических изображений на поясах, подобные щиты

---

¹² Есаян С. А., Мнацаканян А. О. Бронзовые пояса Лчашена и Степанавана. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1977, № 3, с. 281.

¹³ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении. Ереван, 1976, с. 219.

полуцилиндрической формы можно увидеть на бронзовых статуэтках. Одна из таких статуэток, датируемая IX—VIII вв. до н. э., найдена в селе Паравакар Шамшадинского района¹⁴. Она представляет собой фигуру воина высокого роста, хорошо сложенного, с широкой грудью и четко отмеченным фаллом. Лицо у него плоское с прямым носом, глаза и рот показаны выемками. На голове воина шлем с гребнем и роговидным выступом, в левой руке он держит вырезанный из листовой бронзы щит полуцилиндрической формы (табл. II, рис. 1), а в правой — длинное копьё с листовидным наконечником.

Щит паравакарской статуэтки (табл. I, рис. 3) имеет вдвое меньшую высоту, чем сама фигура воина. Если средний рост жителей древней Армении доходил до 170 см (что четко фиксируется по сохранившимся скелетам из различных погребений), то щит должен иметь высоту, приблизительно 85 см. Щиты воинов, изображенных на степанаванском поясе — втрое, а щит вождя — вдвое меньше их роста, то есть высота таких щитов должна была равняться соответственно 60—85 см. Воинов с такими же щитами в руках изображают бронзовые статуэтки из Айрумского клада (табл. I, рис. 4; табл. II, рис. 3) и Норашенской крепости (табл. II, рис. 5), датируемые VI—V вв. до н. э.¹⁵. Щиты в их руках (табл. I, рис. 4), исходя из того же соотношения, отличаются небольшими размерами — около 25—30 см. По-видимому, они имеют декоративное значение и не отражают реальных размеров. Таким образом можно предположить, что средняя высота полуцилиндрических щитов в Армении равнялась 60—80 см. Эти щиты, по всей вероятности, происходят от аналогичных ассирийских щитов, многочисленные изображения которых хорошо известны по памятникам ассирийского искусства конца II—начала I тыс. до н. э.¹⁶ (высота ассирийских щитов колеблется от 80 до 150 см).

Одновременно с полуцилиндрическими щитами в Армении появляются щиты круглой формы. Подобные щиты можно увидеть в руках двух других фигурок воинов из Паравакарского клада IX—VIII вв. до н. э. (табл. I, рис. 6, 7; табл. II, рис. 6, 7). Эти щиты также очень малы (15—22 см) и имеют декоративный характер¹⁷. Небольшими размерами (20 см) отличается щит статуэтки воина из Айрумского клада¹⁸ (табл. I, рис. 5; табл. II, рис. 6).

¹⁴ Бсаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980, с. 37, табл. 5, рис. 1.

¹⁵ Бсаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, табл. 14б, рис. 2, 3.

¹⁶ Barnett R. D. Assurische Palastzelefs, *Artia*, табл. 58, 77, 91, 109 и посл.

¹⁷ Бсаян С. А. Древняя культура племен..., табл. 149, рис. 1, 2.

¹⁸ Бсаян С. А. Указ. соч., табл. 151, рис. 3.

Для изучения защитного снаряжения воинов Армении начала I тыс. до н. э. кроме находок самих этих изделий или их изображений на предметах искусства, большое значение имеют ассирийские источники. Так, летописи ассирийского царя Салмансара III свидетельствуют, что ему с самого начала царствования пришлось вести упорную борьбу с Урарту, совершая против него ряд походов. Так, при описании похода 858 г. (III года правления) рассказывается о взятии города Арзашку и борьбе с урартами во главе с царем Араму. «Вышел из Даяни, к Арзашку городу Араму Урарта я приблизился. Урарт Араму испугался горечи моего сильного оружия и сильной битвы и оставил свой город. В горы Аддури он поднялся, за ним и я, сильную битву устроил я в горах, 3400 воинов поверг я своим оружием, как Адад тучу над ним пролил я дождем, их кровью окрасил я (гору), как шерсть его лагерь я захватил его колесницы, всадников, коней, мулов, лошаков, имущество и богатую добычу привел я с гор. Араму, свою жизнь спасая, убежал на неприступную гору».

Далее в этой же надписи Салманасар рассказывает о захвате и разрушении Арзашку и других пунктов Урарту.

В 1878 году на холме Балават, к юго-востоку от Невеии, в развалинах древнего города Имгур-бел были найдены продолговатые бронзовые листы (длиной 1,75 м, шириной 0,27 м), сплошь покрытые рельефными изображениями, поясненными клинообразными надписями. Эти бронзовые листы оказались обивкой больших деревянных ворот или храма Салманасара III, а изображения — сценами из походов первых девяти лет его царствования.

На одной из этих обивок, изображающих эпизоды похода III года правления Салманасара, имеется изображение горящей крепости Арзашку, подожженной ассирийцами, справа — атака ассирийских колесниц и рукопашная схватка ассирийцев и урартов, слева от крепости изображено продолжение сцены битвы и отступление урартов в горы Аддури.

Урартские воины, лучники и копейщики изображены одетыми в длинные до колен рубахи с короткими рукавами, стянутыми широким кожаным или металлическим поясом. У копейщиков небольшие круглые щиты с коническим выступом в центре. На головах урартов надеты небольшие шлемы с гребнем¹⁹.

Щиты в руках воинов Араму имеют небольшие борта и выступающую среднюю часть (табл. 1, рис. 8). Воины держат их кистью руки за ручку, закрепленную с внутренней стороны²⁰. Диаметр щи-

¹⁹ Пиотровский Б. Б. Ванское царство, с. 55, 56.

²⁰ Billerbek Ad. und Dalifzch. Die Palasttore Salmanassars aus Balavat, Leipzig, 1909, табл. 6, полоса 1.

та, судя по его соотношению с фигурами воинов, равнялся 30—35 см.

Раннеурартские щиты, как видим, несколько больше круглых щитов Паравакара и Айрума, но значительно меньше более поздних урартских щитов.

Круглые щиты особенно широко распространяются в эпоху расцвета Урарту. Об этих щитах, как и другом защитном снаряжении, мы узнаем из раскопок Топрак-кале, Каялидере и особенно Кармир блура, а также по ассирийским источникам. В этом отношении исключительную ценность представляют анналы Саргона II, повествующие о походе против Урарту в 714 г. до н. э. и захвате Мусасара, где была захвачена колоссальная добыча, хранившаяся в религиозном центре Урарту.

Согласно описанию похода, ассирийское войско с большим караваном выступило из Кальху летом, переправилось через Верхний и Нижний Заб, пройдя через труднодоступные лесистые горы, направилось в страну Мана, где, пополнив провиант, разбило союзников Русы, правителя страны Зикирту Метатти. Здесь Саргон изменил путь своего войска, так как узнал, что Руса вместе со своими союзниками и вождями горных племен зашел к нему в тыл, построив свои войска в ущелье реки Уауси. Ассирийский царь внезапно среди ночи напал на урартский лагерь и разбил врага наголову.

Армия Саргона II прошла огнем и мечом через все центральное Урарту, разрушая все на своем пути. На обратном пути Саргон внезапно решил напасть на страну Мусасир. Совершив трудный переход, ассирийское войско внезапно появилось перед городом и «подобно саранче» покрыло всю местность. Город был взят. С дворцовых кладовых, переполненных сокровищами, были сбиты печати и все содержимое стало добычей Саргона. Лишь золота было захвачено 1040 кг, а серебра около 5060 кг. Текст приводит полный перечень захваченных драгоценностей (более 333500 предметов). В числе их упоминаются «шесть золотых щитов, которые были повешены в его покое слева и справа и блестили ослепительно, из середины их выступали головы оскаленных псов, весили они 5 талантов 12 мин (около 6,5 кг) ... 12 тяжелых серебряных щитов, чьи умбоны сделаны в виде голов чудовищ, львов и диких быков... 25212 медных (бронзовых) щитов тяжелых и легких»²¹.

Для изучения древних щитов исключительное значение имеют предметы искусства, которые дают возможность не только классифицировать эти изделия, но и восстановить облик воинов и их снаряжение. Если из раннего периода Урарту мы имеем лишь изображения нескольких воинов Арама, вооруженных небольшими щита-

²¹ Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту. Л., 1962, сс. 36—37.

ми, то за период начиная с VIII в. до н. э. располагаем уже большим количеством изображений урартских щитов. Эти щиты изображены на руках всадников, украшающих шлемы Аргишти I и Сардури II из Кармир блура. Аналогичные изображения имеются также на колчанах из того же Кармир блура, бронзовых поясах из могильника Эребуни в Нор-Ареше, Аданского музея, на бронзовых поясах, найденных в центральных областях Урарту и хранящихся в Мюнхенском музее, во Франции в музее Лес Аск, Базеле и т. д.

Сами бронзовые декоративные щиты, найденные в Кармир блуре, Каялидере и ряде других урартских памятников, имеют характерную форму, напоминающую шляпу с полями, средняя часть которой представляет собой конический выступ на низком барабане. На бортах многих щитов вокруг конических выступов помещаются клинообразные посвятительные надписи. Так, в Кармир блуре найдены четырнадцать бронзовых щитов с надписями урартских царей Аргишти I, Сардури II и Русы I, хотя большая часть надписей относится к Аргишти I²².

Диаметр этих щитов колеблется от 0,7 до 1 м. Самым массивным из них является щит с посвятительной надписью царя Аргишти сына Менуа, найденный в 1940 г. при раскопках крепости Тейшебаини (Кармир блур)²³. Этот щит, диаметром около 1 м, имеет выдающуюся вперед среднюю часть и широкие борта с отогнутыми кверху краями (табл. 1, рис. 10).

Судя по размерам и массивности, этим щитом невозможно было пользоваться в бою. По-видимому он служил декоративным украшением дворца или одного из храмов крепости Тейшебаини. Такое же значение, очевидно, имел массивный бронзовый щит, обнаруженный Ч. Барнеем при раскопках крепости Каялидере²⁴.

Известны урартские щиты этого же типа, но являющиеся ярко выраженными памятниками урартского прикладного искусства. Наибольшую известность из этих предметов получили крупные бронзовые щиты, украшенные изображениями львов и быков, помещенных в концентрических полосах из Вана и Кармир блура.

Особенно интересны кармирблурские щиты. Один из них, посвященный городу Эребуни царем Аргишти, сыном Менуа, обнаруженный в 1951 г. при раскопках помещения 35 Кармир блура (табл. III), также имел характерную форму шляпы с полями²⁵. Диаметр

²² Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. III. Ереван, 1955, с. 26; Его же, Ванское царство, с. 168; Его же, Искусство Урарту, с. 26.

²³ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. I. Ереван, 1950, с. 62, рис. 39.

²⁴ Burney C. A. A first season of excavation at the Urartian citadel of Kayalidere. Anatolian Studies, vol XVI, Ankara, 1966, marn XXI, рис. b.

²⁵ Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту, с. 66; Его же, Кармир блур, вып. III. Ереван, 1955, с. 26.

щита 73 см, ширина бортов 7 см, высота бортов 4 см, конуса 19 см. Средняя его часть представляет собой конический выступ на низком барабане. На внутренней стороне барабана помещены три ручки (одна большая, две маленькие), закрепленные гвоздями. Обе малые ручки соединялись ремнем, надевавшимся на руку, согнутую в локте, а большая захватывалась кистью. Средняя конусообразная часть щита Аргишти украшена изображениями львов и быков, размещенных в трех концентрических полосах, разделенных орнаментом в виде бутонов, связанных полуокружьем. На внешней полосе размещены 28 изображений львов, в средней части — 20 изображений быков, а на полосе, примыкающей к центру — еще 8 изображений львов. В центральной части конуса щита расположена 38-лепестковая розетка. Второй щит подобной формы, также украшенный изображениями львов и быков, был обнаружен в 1953 г. в помещении «А» Кармир блура, и, судя по имеющейся на нем надписи, связан с именем Сардури II²⁶. Диаметр щита 74 см, ширина бортов 7,7 см, высота изогнутого края борта 4 см, диаметр барабана 58,6 см, высота конуса — 23 см. Изображений животных на щите Сардури II меньше, чем на щите Аргишти I. На внешней полосе расположены 34 фигуры львов, в средней части — 16 фигур быков, а на полосе, примыкающей к центру, еще 6 изображений львов. Центральная розетка, украшающая конус щита Аргишти I, здесь отсутствует. Полосы, отделяющие фигуры, составлены из того же орнамента. Однако фигуры животных на щите Сардури выполнены тщательнее (табл. IV).

Фигуры животных расположены с учетом вертикального неподвижного положения щитов и поэтому ни одна фигура не дана в перевернутом виде.

Кроме щитов Аргишти I и Сардури II в Кармир блуре, как уже говорилось, обнаружены еще 12 щитов. Все они имеют совершенно такую же конструкцию и форму и отличаются лишь отсутствием орнамента. Все они относятся к VIII в. до н. э. и, судя по посвяительным надписям, связаны с именем царей Аргишти I (5 щитов), Сардури II (3 щита), Русы (1 щит). Остальные три — надписей не имеют²⁷.

Урартские щиты подобной формы найдены и при раскопках Топрахкале (Ван) О. Рассамом и Э. Клейтоном в 1880 г. Позже были случайно обнаружены щиты с надписями, содержащими имена Русы — сына Аргишти и Русы — сына Эримены, причем на обломке второго щита (Русы — сына Эримены) имеется орнамент, анало-

---

²⁶ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. III, с. 29, 30.

²⁷ Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959, с. 168; Его же, Кармир блур, вып. III, с. 26.

гичный орнаменту вышеописанного щита Аргишти I²⁸ (табл. V). Такая близость орнаментальных мотивов щитов, найденных в Кармир блуре и Топрах-кале дала возможность Б. Б. Пиотровскому считать, что «система урартских вотивных щитов была очень устойчивой, во всяком случае за срок более 150 лет, отделяющих щит Аргишти I из Кармир блура от щита Русы III из Топрах-кале, способ украшения не изменился, даже разделка фигур животных выполнялась по одной схеме²⁹.

Все это позволяет считать, что вотивные бронзовые щиты с посвятельными надписями различных урартских царей украшали стены храмов и дворцов и определенно имели декоративное значение. Возможно урартские цари или жрецы выносили их во время парадных шествий или при различных церемониях, но они из-за крупного размера и веса не могли служить боевым снаряжением.

При раскопках урартских памятников были обнаружены и боевые щиты³⁰. Сами щиты, которые по-видимому были деревянными или сплетенными из прутьев и обитыми кожей, до нас не дошли, но сохранились их умбоны конической формы, изготовленные из листовой бронзы. Нижний конец их слегка отогнут и имеет многочисленные мелкие отверстия для гвоздей, которыми умбоны прибивались к щитам. Высота умбонов 15 см, диаметр нижней части — 12—15 см., толщина листа бронзы 1 мм (табл. I, рис. 9; табл. VIII; табл. XX, рис. 4, 6).

Три таких умбона были найдены в 1945 г. при раскопках жилища, расположенного во дворе у северо-западной угловой башни цитадели Тейшебани. На двух из них были надписи, читаемые как «сын Менуа». Шесть других умбонов были обнаружены в каресе № 55 кладовой 28. На пяти из них сохранились надписи с именами Аргишти—сын Менуа и Сардури—сына Аргишти; один умбон надписи не имел³¹.

Кроме Кармир блура остатки подобного щита найдены и в Аргиштихинили. Здесь при расчистке пола помещения № 6 в северо-западном углу оказались сплетенные прутья и обрывки кожи, оставляющие впечатление остатков круглого щита, покрытого кожей³².

Крупный умбон высотой в 7, 1 см и диаметром 9,4×10,2 см, украшенный четырьмя рядами многорядных конических линий, обнаружен в центральных районах Ванского царства (хранится в музее

²⁸ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. III, с. 27, 28.

²⁹ Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту. Л., 1962, с. 69—70.

³⁰ Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 95.

³¹ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. 1, с. 94; Его же, Кармир блур, вып. II. Ереван, 1952, с. 39, 63.

³² Мартиросян А. А. Аргиштихинили. Ереван, 1974, с. 93.

Базеля), издателями датируется VIII—VII вв. до н. э.³³ (табл. XX, рис. 4).

Подобные щиты, по всей вероятности, распространены весьма широко. Судя по ассирийским аналогиям, они были круглые, в центре щита с внутренней стороны находилась большая ручка, вероятно ременного крепления, которую воин держал кистью руки.

Материалы, известные до недавнего времени из памятников Армении доурартского и урартского времен, позволяли говорить о том, что в рассматриваемое время широко применялись два типа щитов: полуцилиндрические и круглые, которые бытовали до VI—V вв. до н. э. Щиты круглой формы в свою очередь делились на два варианта. Ранние, до IX в. до н. э., как показывают изображения воинов Араму Урартского на обивках Балаватских ворот, были небольших размеров и имели в центре одну ручку, за которую воин держал щит кистью. Подобным образом носили щиты хеттские воины, изображенные на рельефе из Зенжирили³⁴ (но по форме хеттские щиты отличаются от урартских).

Более поздние шляповидные щиты с тремя ручками (две с ременным перехватом), которые надевались на согнутую в локте руку воина и захватывались кистью, по своей форме и способу ношения сближаются с ассирийскими щитами.

Однако новые материалы дают возможность внести некоторые уточнения. Так, щит, по-видимому, происходящий из центральных районов Ванского царства (хр. в музее Менза), имеет круглую форму. С его внутренней стороны имеется прикрепленная в центре крупная полукруглая ручка для захвата кистью (табл. VII, рис. 3)³⁵. Этот щит, датируемый VIII—VII вв. до н. э., дает возможность утверждать, что оба варианта круглых урартских щитов применялись одновременно. Это предположение становится более правдоподобным, так как большая часть фигур воинов Паравакарского и Ай-

---

³³ Этот умбон, как и целый ряд других предметов, недавно опубликован в Голландском каталоге. Издатели местом находок этих предметов, случайно поступивших в Европу, указывают Восточную Турцию или Северо-западный Иран. В тексте в дальнейшем они указываются как происходящие из центральных и восточных районов Урарту. См.: Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. *Urartu een vergeten cultuur uit het bergland Armente, 1982—1983*, Каталог, рис. 28.

³⁴ Bruno Meissner und Dietrich Opitz. *Studien zum Bit Hilani in Nordpalast Asurbanapals zu Ninve*, Abhandlungen der Preustschen Akademie der Wissenschaften, 1939, № 18, Berlin, 1940, marn 17.

³⁵ Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. По устному сообщению Г. Гауптмана в музее Менза хранился большое количество урартских изделий, особенно шлемов и других предметов защитного снаряжения, которые пока не опубликованы.

румского кладов изображены с щитами, захватываемыми кистью рук.

Ш Л Е М Ы

Другим видом защитного снаряжения, широко применявшегося в древней Армении, является шлем.

У нас нет сведений о формах древних шлемов. Металлические шлемы, судя по их изображениям на предметах искусства, появляются только во второй половине II тыс. до н. э., да и то лишь у представителей племенной знати. Головными уборами, в какой-то мере защищавшими головы рядовых воинов (до появления металлических шлемов у представителей знати), являлись кожаные, войлочные, деревянные или меховые шапки, которые, по всей видимости, укреплялись металлическими пластинами или бляхами.

По форме металлические шлемы делятся на три основных группы — шлемы с гребнями, шлемы в виде остроконечных шишаков и шлемы с шипастыми и роговидными выступами. Каждая группа подразделяется на ряд типов и вариантов. Наиболее древними из найденных в Армении являются шлемы колесничных, стоящих в курганах бронзовых моделей колесниц из богатых курганов Лчашена, датироваемые XIV—XIII вв. до н. э.³⁶. Среди шлемов этого типа можно выделить два варианта. Шлемы обоих вариантов имеют форму полукруглой каски с гребнем. На шлемах первого варианта (2 экземпляра) гребень находится прямо в центре каски и охватывает ее с двух сторон в виде высокого полулуния (табл. IX, рис. 1, 2). Шлемы второго варианта (также 2 экземпляра) имеют такую же форму каски, но отличаются формой гребней. Так, на одном из них (табл. IX, рис. 3) гребень плоский, высокий и выступает над каской под углом. Тыльная сторона этого гребня более узкая и длинная, вследствие чего он несколько нависает над каской. Гребень другого шлема (табл. IX, рис. 4) более узкий, слегка округленный спереди. Он занимает как бы промежуточное положение между гребнями первого и второго вариантов.

Шлемы лчашенских колесничных имеют некоторое сходство с хетским шлемом из Богазкоя³⁷ (XIV в. до н. э.), хотя и отличаются от него. Хеттский шлем имеет вытянутую каску, вследствие чего его более узкий гребень охватывает головку шлема с двух сторон, к

---

³⁶ Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 97. табл. XVI, рис. 7—10.

³⁷ Вонпетт Л. Die Waffen der Völker des Alten Orients. Leipzig, 1926, рис. 102.

тому же он снабжен оперением. Более близкой аналогией второго лчашенского шлема является шлем из Кархемыша (VIII в. до н. э.)³⁸, но он отличается несколько более высоким гребнем и оперением. Это позволяет предположить более раннее бытование шлемов кархемышского типа, хотя на территории Армении и Передней Азии, насколько нам известно, они не обнаружены. Предположение, что раннеурартские шлемы по форме гребня более близки к лчашенскому и кархемышскому типу, нежели богазкойскому, кажется тем более вероятным.

Для того, чтобы установить, откуда ведут свое происхождение шлемы лчашенских колесничных, необходимо определить происхождение самих моделей колесниц. В лчашенских курганах, как известно, были найдены три бронзовые модели боевых колесниц³⁹. Первая, обнаруженная в кургане № 1, стоит на отдельно отлитой небольшой прямоугольной площадке (9,4×6 см) с резными бортами и в нижней части имеет массивный штырь для закрепления в дышло повозки. Колесница имеет небольшой кузов, закрытый с трех сторон высокими прорезными бортами и открытый сзади. В кузове стоят два воина с кинжалами и в высоких гребенчатых шлемах. Одной рукой они держатся друг за друга, а другой — шлемы. В центре задней части кузова находится выступ, помогающий колесничным при необходимости вскакивать на ходу в колесницу или выскакать из нее. Колеса массивные, с восемью спицами, дышло сильно изогнутое. Колесница запряжена двумя конями под ярмо. На дышле расположены четыре фигурки птиц (табл. X).

Вторая модель колесницы в основном повторяет форму первой, отличаясь от нее размерами и некоторыми деталями. Она стоит на такой же прорезной площадке, как и первая модель, но в отличие от первой эта площадка имеет не штырь, а якоробразную подставку. Колеса с восемью спицами отличаются легкостью. Стоящие в кузове воины опираются о высокую стойку, закрепленную в передней части кузова. Задняя сторона кузова совершенно открыта. Закрепленное на передке дышло сильно выгибается вверх и соединяется с ярмом, в которое впряжены две лошади. Перед конями помещена фигура бегущего оленя.

Модель третьей колесницы также стоит на площадке с якоробразной массивной подставкой. Однако, сама колесница существ-

³⁸ **Воннет Н.** Указ. соч., рис. 102 а.

³⁹ **Мнацаканян А. О.** Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 г., «Советская археология», 1957, № 2, с. 150, рис. 9; **Мнацаканян А. О.** Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. «Советская археология», 1960, № 2, рис. 5, 6; **Есаян С. А.** Оружие и военное дело, с. 139; **Есаян С. А.** **Мнацаканян А. О.** О статуэтках из Лчашена. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1975, № 2, табл. II.

венно отличается от двух вышеописанных. Кузов у нее, как и у первой модели, с высокими бортами, защищавшими двух воинов, стоящих в кузове. Однако дышло прямое (что сближает ее с деревянными колесницами, найденными здесь же в Лчашене), а колеса имеют шесть спиц. Перед лошадьми, запряженными под ярмо, также находится фигурка оленя, изображенного в стремительном беге, что создает впечатление преследуемого животного. По своей форме модели лчашенских колесниц близки к переднеазиатским, особенно хеттским, изображения которых можно увидеть на рельефе Рамзеса II⁴⁰. Они имеют поразительное сходство также с колесницей, изображенной на одном из рельефов Малатии, где очень реалистично показано преследование колесничными стремительно бегущего оленя⁴¹. Этот прекрасный образец творчества позднехурритских резчиков по камню свидетельствует об общности лчашенских и хетто-хурритских колесниц, хотя лчашенские модели не привозные, а изготовлены на месте⁴². Шлемы лчашенских колесничных очень близки к хеттским, бытовавшим до IX в. до н. э., но колесницы имеют большое сходство и с малоазийскими⁴³.

К этому же времени относится шлем одного из колесничных, находящегося в кузове бронзовой модели боевой колесницы из Лори-Берда⁴⁴. Колесница стоит на ажурной, с треугольными и продолговатыми прорезями, площадке с якоробразной подставкой, вокруг оси которой она свободно вращается. Она имеет легкий кузов, в котором стоят два воина. Передняя часть кузова закрыта полукруглой дугой, опирающейся на вертикально установленную стойку. Такая же стойка находится в центре открытой задней части кузова, как у первой модели колесницы из Лчашена. На неподвижную ось надето два колеса с шестью спицами. От основания центра кузова поднимается дугообразное дышло с ярмом, покоящемся непосредственно на шеях сухопарых коней с продолговатыми головами, треугольными ушами и вздыбленными гривами. Глаза у них углубленные, пасти полураскрыты. Перед конями, как и на лчашенских моделях, помещена небольшая фигурка косули с короткими рогами, изображенная в стремительном беге. Воины стоят у обоих бортов кузова, опираясь на них. Один из колесничных показан в такой позе, словно он держит поводья. У одного воина на голове шлем, а другой стоит с непокрытой головой (табл. XI).

Таким образом, лорибердская модель боевой колесницы близка к лчашенским и отличается лишь небольшими деталями. Лча-

⁴⁰ Есаян С. А. Оружие и военное дело..., с. 159.

⁴¹ Есаян С. А. Скульптура древней Армении, с. 28.

⁴² Есаян С. А. Оружие и военное дело..., с. 140.

⁴³ Есаян С. А. Скульптура древней Армении, с. 28, табл. 40.

⁴⁴ Деведжян С. И. Лори Берд 1. Ереван, 1981, с. 27, рис. 6.

шенская и лорибердская модели боевых колесниц имеют большое сходство с колесницами, принимавшими участие в сражении 1312 г. с египтянами под Кадешом, где сражались 3500 хеттских колесниц⁴⁵. В это число, несомненно, входили и колесницы союзных и покоренных стран, в том числе племен, населяющих Армянское нагорье⁴⁶. Это предположение становится тем более вероятным, если вспомним, что воины ряда племен Армянского нагорья (Манда, Сала и Хеммува), входивших в состав Хеттского царства, были освобождены от воинской повинности, так как они служили наемниками в хеттском войске не в порядке повинности, а за плату⁴⁷.

Все это позволяет утверждать, что модели боевых колесниц Лчашена и Лори-берда отображали реальные боевые колесницы, широко распространенные в древней Армении, у хеттов и в Малой Азии.

Шлем одного из колесничных лорибердской колесницы (табл. IX, рис. 5) имеет форму полукруглой каски, низко надвинутой на лоб фигуры воина. От центра каски вертикально поднимается широкий гребень, который полукругом спускается по обе стороны каски. Форма шлема лорибердского колесничного имеет много общего с формой шлема статуэтки хеттского воина из Мараша с кинжалом на поясе⁴⁸. Сходные шлемы имеют также колесничные воины, изображения которых можно увидеть на бронзовом декоративном топоре из Сакказа⁴⁹ и на бронзовом треножнике из Олимпа⁵⁰.

Среди находок эпохи поздней бронзы большой интерес представляет бронзовая статуэтка на якоробразной подставке, изображающая воина в шлеме со львом на привязи, найденная в грунтовом погребении XIII—XI вв. до н. э. Ширакавана⁵¹. Воин стоит в спокойной позе со скрещенными на груди руками, на голове у него шлем в виде небольшой надвинутой на лоб каски с высоким узким гребнем, который округло возвышается над каской и нависает над ее затылочной частью своим узким заостренным концом (табл. IX, рис. 6). По форме шлем ширакаванской статуэтки несколько сближается с вышеописанными и относится к тому же культурному кругу.

---

⁴⁵ Всемирная история, т. 1. М., 1956, с. 353.

⁴⁶ Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении, с. 121.

⁴⁷ Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 52.

⁴⁸ Perrot G. Chipies Ch. Phenicie, Cypre, Paris, 1895, с. 313, 320, 447.

⁴⁹ Leon Louis. Iran I, Genov, Paris, München, 1965, с. 86.

⁵⁰ Искусство древней Греции (памятники мирового искусства). М., 1978, рис. 77 б.

⁵¹ Торосян Р. М., Хикикян О. С., Петросян Л. А. Раскопки в Ширавакане. Археологические открытия за 1978 г., М., 1979, с. 256.

Шлемы с гребнем известны и в урартскую эпоху. К их числу относятся шлемы воинов царя Араму, изображенные на балаватских воротах⁵². Эти шлемы также имели форму вытянутой каски. Узкий полукруглый гребень у них вытянут книзу и завершается округлым выступом (табл. IX, рис. 7, 8). Б. Б. Пиотровский, исходя из их формы полагает, что подобные шлемы изготовлялись из кожи, считая при этом, что они могли быть и деревянными. Поводом для подобного предположения служит сообщение Геродота, который, перечисляя народы, участвовавшие в походе Ксеркса, писал: «Колхи на головах носили деревянные шлемы и имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья, а кроме того ножи... Алароды и сасперы шли вооруженные подобно колхам». (Геродот, VII, 79)⁵³.

Итак, с XIV по IX вв. до н. э. в древней Армении бытовали бронзовые шлемы в виде округлой или вытянутой каски с разнообразными гребнями, выступающими в ее центральной части и нависающими над лобовой или реже затылочной частью каски. Несмотря на определенные различия, все они принадлежали к одному и тому же культурному кругу, тесно связанному с хеттской военной культурой, для которой шлем с гребнем, копье и небольшой круглый щит являлись характерными признаками⁵⁴.

Следующей группой, бытовавшей на Армянском нагорье, являются шлемы с роговидными выступами, которые делятся на три типа.

Наиболее ранним экземпляром первого типа является шлем, изображенный на одной фреске урартской крепости VIII в. до н. э. Эрбунни. Шлем, как полагают некоторые исследователи, надет на голову царя Аргишти⁵⁵. Черты его лица повторяют черты бога Халди, стоящего на льве, изображенного на другой фреске Эрбунни⁵⁶. Эта идентичность лиц традиционна для древневосточного искусства и не вызывает сомнений. Однако есть один атрибут, который, по моему, не позволяет отождествлять это изображение с личностью царя Аргишти I. Его шлем имеет форму каски с узким, чуть заметным гребнем, слегка выступающим в виде заостренного рога над лобовой частью шлема (табл. IX, рис. 9). Выше говорилось, что ранние урартские шлемы с гребнем близки по форме к хеттским об-

---

⁵² Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту, рис. 7.

⁵³ Пиотровский Б. Б. Ванское царство, с. 55.

⁵⁴ Бациева С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию. Вестник древней истории, 1963, № 2, с. 18—26.

⁵⁵ Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л. Эрбунни. М., 1979, с. 59, рис. 40.

⁵⁶ Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л., Указ. соч., рис. 41; Есян С. А. Искусство портретного изображения Урарту. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1982, № 3, с. 184

разцам. В VIII в. до н. э. урарты воспринимают от ассирийцев остроконечные шлемы⁵⁷. Это подтверждается находкой конического шлема с именем Аргишти I, посвященного городу Эребуни⁵⁸. Вряд ли на стенах храма, где найдены эти росписи, древний художник стал бы изображать царя VIII в. до н. э. (основателя крепости, где выполнялись эти фрески) в шлеме, характерном для IX в. до н. э. Можно лишь предположить, что художник, расписывавший стены храма Эребуни, мог взять за образец росписи из Тушпы времен более ранних царей Ишпуини или даже Менуа, а может быть, он изобразил все того же Халди в чередующейся композиции росписей.

Рассматриваемый шлем с гребнем и небольшим роговидным выступом вероятнее всего следует отнести к IX в. до н. э. Это предположение, высказанное мною на основе анализа аринбердской фрески, подтверждается недавней публикацией голландского каталога, где среди многочисленных бронзовых щитов, найденных в центральных и восточных районах Урарту, имеется один шлем с крупным гребнем, с подписью Ишпуини⁵⁹. Этот шлем, хранящийся в музее Менза, представляет собой широкий раструб, верхний конец которого сужен и обшит невысоким гребнем, свисающим над лобовой частью. По всей высоте шлема проходят четыре горизонтальные линии (табл. XIII, рис. 9).

Шлемы с нависающими гребнями можно увидеть на головах колесничных, стоящих в кузове бронзовой модели боевой колесницы из Паравакарского клада, датируемого IX—VIII вв. до н. э.⁶⁰ Эта модель имеет широкий открытый сзади кузов, с глухой закрытой передней частью и полукруглыми арочными стойками по краям. На неподвижную ось надеты два колеса с шестью спицами в каждом. В кузове стоят две схематично отлитые фигуры воинов, припаянные к передку колесницы. Грудь их выступает над передней частью, туловище сзади прослеживается до пояса. На головах гребенчатые шлемы с роговидными выступами, напоминающие по своей форме шлем на фреске из Эребуни (табл. IX, рис. 10). Подобные же шлемы с роговидными выступами надеты на головы бронзовых статуэток воинов из Айрумского клада, датируемых VI—V вв. до н. э. Один из шлемов имеет форму каски с узким гребнем, переходящим в широкий роговидный отросток, нависающий над лбом воина с щитом полуцилиндрической формы в руке⁶¹ (табл. II, рис. 3; табл.

⁵⁷ Пиотровский Б. Б. Ванское царство, с. 167.

⁵⁸ Есаян С. А. Искусство портретного изображения Урарту, с. 185.

⁵⁹ Указ. соч. рис. 24.

⁶⁰ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, табл. 1, 148, рис. 1; Есаян С. А. Скульптура древней Армении, табл. 59, рис. 12.

⁶¹ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, табл. 146, рис. 3; Его же, Скульптура древней Армении, табл. 56, рис. 3.

IX, рис. 14). Шлем другого воина, держащего круглый щит, имеет аналогичную форму, с той лишь разницей, что роговидный отросток более тонкий и не нависает, а приподнят над лобовой частью шлема⁶² (табл. II, рис. 6; табл. IX, рис. 13).

Ко второму типу шлемов с роговидными выступами относятся шлемы, которые можно увидеть на головах других бронзовых статуэток из Паравакарского клада. Эти шлемы делятся на два варианта. Первый вариант представлен шлемом воина с копьем и полубочкообразным щитом. Он (табл. II, рис. 1; табл. IX, рис. 11) имеет форму небольшой каски с узким гребнем, начинающимся с затылка и постепенно переходящим в длинный массивный роговидный выступ, который почти под прямым углом нависает над лобовой частью шлема.

К тому же варианту относится шлем другого воина, держащего круглый щит. Рассматриваемый шлем отличается от первого лишь меньшими размерами рога, но он пропорционален по отношению к небольшой фигуре самого воина⁶³.

Второй вариант представлен шлемом воина с копьем, бронзовая фигурка которого также найдена в Паравакарском клада. Этот шлем также представляет собой невысокую каску, из центра которой возвышается роговидный выступ, округло нависающий над лбом воина⁶⁴ (табл. II, рис. 2; табл. IX, рис. 12).

К третьему типу шлемов с роговидными выступами относятся шлемы бронзовых фигурок воинов из Арцваника, датируемых VI—V вв. до н. э. Все они (7 экз.) однотипны, различия заметны лишь в оформлении шлемов. Для арцваникских статуэток характерно округлое тулово, тонкая талия. Четко отмеченный фалл и остроконечный шип на спине. Носы у всех крупные, глаза выпуклые, подбородки вытянуты вперед, рты полураскрыты (табл. XII)⁶⁵.

Шлемы арцваникских статуэток делятся на три варианта. Первый вариант представлен шлемами двух фигурок, которые имеют форму полукруглой каски с небольшим узким гребнем в центре. Второй вариант представлен шлемами трех фигурок, которые имеют такую же форму, но отличаются наличием округлых рогов, возвышающихся по обе стороны гребня. Третий вариант, имеющий несколько иную форму, будет рассмотрен ниже с урартскими образцами.

⁶² Бсаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, табл. 151, рис. 3; Его же, Скульптура древней Армении, табл. 56, рис. 6.

⁶³ Бсаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, табл. 149, рис. 2; Его же, Скульптура древней Армении, табл. 56, рис. 1.

⁶⁴ Бсаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, табл. 148, рис. 3; Его же, Скульптура древней Армении, табл. 66, рис. 2.

⁶⁵ Бсаян С. А. Скульптура древней Армении, с. 39—40, табл. 57, рис. 1—7.

Таким образом с середины II тыс. до н. э. в Армении появляются шлемы, украшенные гребнями и роговидными выступами различных видов, которые хотя и перестают использоваться урартами, но применяются местными племенами на протяжении всей эпохи железа и даже изредка встречаются в раннеармянское время.

Рассматривая процесс развития различных видов оружия, можно заметить, что вооружение племен Армянского нагорья, начиная с VIII в. до н. э. имеет много общего с ассирийским, хотя и отличается от него. Это хорошо прослеживается на примере шлемов.

Урартские шлемы второго и третьего периодов (VIII—VII вв. до н. э.) известны нам по многочисленным находкам в Кармир блуре, случайным находкам в Турции и Иране, а также по гравированным и чеканным изображениям на самих шлемах, колчанах из Кармир блура, на обломках бронзовых поясов из урартского могильника в Нор-Ареше (район Еревана)⁶⁶ и т. д. Такие шлемы очень близки к ассирийским и представляют собой остроконечный шишак, но различаются по своей форме и особенно орнаментальным мотивам.

Особый интерес представляют кармирблурские шлемы, где найдено 20 бронзовых⁶⁷ и один железный шлем⁶⁸. Они делятся на две большие группы.

К первой группе относятся четыре бронзовых шлема в виде остроконечного шишака, содержащие имена Аргишти I (1 экз.) и Сардури II (3 экз.). Эти шлемы являются замечательными памятниками урартского искусства. Высота шлема Аргишти 29,5 см, высота поля с изображениями — 8 см, наибольший диаметр — 26,5 см. Лобная часть этих шлемов украшена 11 изображениями священных деревьев со стоящими по обе стороны от них божествами: возле пяти деревьев расположены фигуры безбородных божеств в длинных одеяниях, в головных уборах с рогами, с ведром в левой руке и священным плодом в правой. Около шести других деревьев изображены подобные же божества, но, в отличие от вышеописанных, имеющие бороду и крылья, что, судя по иконографическим особенностям, сближает их с ассирийскими керубами. Священные деревья на лобной части обрамлены изображениями восьми змей с львиными головами, оскалившими пасти.

Височная и затылочная части шлема украшены изображениями восьми боевых колесниц и десяти всадников. На всадниках и колесничных, изображенных на шлемах, такие же шлемы, как и те, на которых они выгравированы. Урартские колесницы, изображенные

⁶⁶ Мартirosян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 246—250.

⁶⁷ Пиотровский Б. Б. Ванское царство, с. 167.

⁶⁸ Есяян С. А. Каталог археологических предметов музея истории города Еревана, вып. III. Ереван, 1972, табл. XXXV, рис. 1.

на шлемё, по своему типу очень близки к ассирийским колесницам VIII в. до н. э. Они имеют облегченный кузов, легкое дышло с восемью спицами. В кузовах помещены по две фигуры — безбордный возничий, держащий в руках вожжи и кнут и бородатый воин, копые которого укреплено на задней части колесницы⁶⁹ (табл. XVI).

Изображения на шлемах Сардури II совершенно такие же, как на шлеме Аргишти I, но, как правильно отмечает Б. Б. Пиотровский, эти шлемы были изготовлены различными мастерами. Украшения шлема Аргишти I отличаются сухостью и менее детальной гравировкой, особенно львиных голов. Различия имеются и в эпиграфике клинообразных надписей и иероглифических знаков, стоящих перед клинописью⁷⁰ (табл. XVIII).

Замечательный бронзовый урартский шлем аналогичного типа происходит из Луристана (Карманшах. Хранится в музее Эссена). Он имеет ту же форму, что и кармирблурские шлемы, но несколько отличается от них по орнаментации. На лобной части шлема с обеих сторон выступают по четыре изогнутые фигуры дракона, а между ними находится еще одна аналогичная фигура дракона, расположенная вертикально по прямой, что не наблюдается ни на одном из кармирблурских шлемов⁷¹ (табл. XIII, рис. 8).

Близок к нему уникальный шлем, хранящийся в Мюнхенском музее (высота 27,5 см, диаметр овала 18,3—22,7 см)⁷². Он представляет собой, как и вышеописанные шлемы, остроконечный шишак. Нижняя его часть орнаментирована рамкой, образованной рельефной линией, украшенной косыми насечками. Внутри этой рамки помещены две мчащиеся навстречу друг другу боевые колесницы, в кузовах которых стоят по два колесничных, в таких же остроконечных шлемах, как и тот, на котором они изображены. Возничий управляет конями, а другой воин стоит с вытянутыми вперед руками. Кони изображены мчащимися в бешеном галопе со сгруппированными передними и задними ногами. Длинные хвосты их слегка вытянуты и почти волочатся по земле. Впереди коней, опережая их на пол корпуса, бегут также навстречу друг другу по одному козлу с крупными изогнутыми назад рогами и четко отмеченными глазами. В этой сцене четко виден широко распространенный прием смещения, так как и колесницы и козы должны двигаться параллельно друг другу, но из-за недостатка места они изображены двигающимися навстречу друг другу.

⁶⁹ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. 1, с. 63—66; Его же, Искусство Урарту, с. 70—71.

⁷⁰ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. II, с. 49—50.

⁷¹ Urartu, Ein Wiedeaentdecker Rivale Assyriens Katalog der Ausstellung, München, 1976, табл. 11; Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer, Указ. соч., № 20.

⁷² Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer.

Начиная от бортов шлема, по обе стороны вышеуказанной рамы поднимаются по четыре рельефных изображения змей, которые, полукругло изогнувшись, нависают над рамой. Головы этих змей короткие, с тупыми мордами и небольшими округлыми глазами (табл. XIV).

Эти изображения отдаленно напоминают изображения кармирблурских шлемов, с той лишь разницей, что кармирблурские шлемы украшены изображениями змей с львиными головами. В то же время на кармирблурских шлемах под изображениями змей помещены деревья жизни и боги, а на рассматриваемом шлеме — боевые колесницы, преследующие коз.

Как видим, здесь изображена характерная для всего Древнего Востока охотничья сцена, что замечалось и на моделях лчашенских колесниц, где колесничные преследовали оленей. Эта сцена впервые наблюдается на урартских шлемах, хотя она часто встречается на урартских бронзовых поясах, обнаруженных в могильнике Эребуни, из Каялидере, Аданского музея и других поясов, найденных в Западной Армении⁷³.

Не менее интересен другой шлем из музея Лез Арк (Франция), происходящий из центральных районов Урарту⁷⁴ (табл. XIII, рис. 5; табл. XVII). Он также представляет собой остроконечный шишак высотой в 30,5 см, диаметром 20,8×23,2 см. Его лобовая часть украшена вертикально спускающейся от острия шишака рельефной фигурой змеи с головой льва, изображенной в фас, с четко отмеченной мордой, по обе стороны которой помещены передние лапы хищника. Насколько известно, это первое фасное изображение животного в урартском графическом искусстве, хотя к этому времени фасные изображения людей были довольно широко распространены. По сторонам этого изображения помещены по три возвышающихся изогнутых фигуры с львиными головами, оконтуренные сверху рамкой с вписанным зигзагом. Ниже фигур змей, пересекая их тулова, проходит по всей окружности шлема изображение, образованное из двух рядов параллельных розеток и зигзагов, внутреннее пространство которого заполнено тремя полосами с сюжетными сценами, а еще одна помещена между фигурами змей и центральной нижней полосой. В указанной верхней полосе изображены идущие навстречу две фигуры коз с рыбьими хвостами, а ниже них, также одна навстречу другой, по четыре фигуры птиц с растопыренными крыльями.

Нижние полосы, огибающие весь шлем, имеют более сложную композицию и, несколько различаясь, образуют две ритуальные сцены. Первая ритуально-композиционная сцена выгравирована в

⁷³ Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer, Указ. соч., рис. 97, 99.

⁷⁴ Там же, рис. 22.

центре лобовой части шлема и отделена от других фигурами змей. Здесь в центре композиции изображено дерево жизни с двумя горизонтально расположенными ветвями, концы которых завершаются гранатовидными плодами, поверх которых возвышается крылатый солнечный диск, возможно символизирующий Халди. Слева к этому изображению направляется процессия из пяти фигур. Первый, по-видимому жрец, держащий в правой руке какой-то длинный предмет, а левая приподнята для приветствия, за ним следуют два воина с луками на плечах, а за ними фигуры крылатых существ, которые в левых приспущенных руках держат ведерки, а правые — приподняты для приветствия. Точно такая же процессия направляется с правой противоположной стороны к тому же дереву жизни с солнечным диском.

Во второй показана более сложная ритуально-композиционная сцена. Справа от центральной полосы, огибая весь шлем, движется процессия, состоящая из тринадцати фигур. Впереди шествуют два жреца в длиннополых платьях с высоко поднятыми для приветствия руками, за ними идет воин с луком на плече и еще одна фигура, у которой, как и у второй, вытянута вперед к низу левая рука и высоко назад поднята правая рука, которую хватает для поцелуя несколько наклоненная вперед фигура идущего следом человека в высоком головном уборе. За этой фигурой следуют еще двое, несущие на плечах какую-то поклажу, а две других несут крупный кувшин. Процессию замыкают четыре фигуры, несущие на плечах каких-то животных.

Все фигуры жрецов и воинов изображены в длиннополых платьях, а идущие за ними носильщики — в коротких, выше колен платьях. Эту процессию, приносящую жертвоприношение (или дань), встречают в торжественной обстановке несколько других людей. Здесь, в крайней правой части левой полосы, под высоко поднятым туловом змеи с изогнутой головой, стоит человек, впереди которого стоят с высоко приподнятыми руками семь воинов (лучников и щитоносцев), которые приветствуют движущуюся к ним процессию правой части.

Близки по форме еще два других шлема. Хотя оба они относятся к этой же форме остроконечных шишаков, они отличаются несколько меньшей высотой. Один из них, происходящий из центральных районов Урарту (хранится в музее Менза, табл. XIII, рис. 6), имеет высоту 27 см. Он более округлый в нижней части. Его лобовая сторона, как и на луристанском шлеме, украшена вертикальной линией, по обе стороны которой округло поднимаются снизу две расположенные одна против другой изогнутые фигуры змей⁷⁵.

Другой, указанный под вопросом, как происходящий из Севе-

---

⁷⁵ Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer, Указ. соч., рис. 18.

ро-западного Ирана (восточные районы Урарту; хранится в Лувре), полностью напоминает вышеуказанный луристанский шлем, с той лишь разницей, что у него несколько меньшая высота — 25,3 см⁷⁶ (табл. XIII, рис. 12).

Типологически сближается с вышеуказанным шлем из центральных районов Урарту (хранится в Швейцарском музее), датированный VIII—VII вв. до н. э.⁷⁷ Он также представляет собой остроконечный шишак высотой 31,8 см, диаметром 19,8—20,6 см. Его лобовая часть, как и у двух вышеописанных шлемов, украшена вертикальной линией, по обе стороны изогнуто возвышаются по три фигуры змей (табл. XIII, рис. 7).

Однако, в отличие от всех известных урартских шлемов, борта шишака не гладкие, а украшены многорядными вертикальными, рельефными линиями, придающими ему ребристую форму. У одного нижнего борта шлема сохранилось небольшое колечко, что наблюдается у части кармирблурских шлемов.

В Кармир блуре обнаружены шлемы и с иным украшением. Так, шлем, найденный в помещении № 18, имеет четыре выпуклые полоски по нижнему краю и вертикальную линию на лобной части. А шлемы, обнаруженные в помещениях № 24 и 37 на лобной части украшены крупным выпуклым знаком в виде четырех зубцов, в котором Б. Б. Пиотровский видит перун бога громовика Тейшебы⁷⁸ (табл. IX, рис. 18, 19, 20; табл. XIX; табл. XX, рис. 1, 3).

Подобные шлемы известны также из центральных и восточных районов Урарту. Если кармирблурские шлемы этого типа несколько менее вытянуты, то последние по форме ничем не отличаются от урартских остроконечных шишаков. Два подобных шлема найдены в центральных районах Урарту и хранятся в музеях Лес Аска и Мюнхена⁷⁹ (табл. XIII, рис. 1, 2). Высота их соответственно 27 и 28,5 см, а диаметр 20,5—21,6 см и 19,2—22,8 см.

Лобовые части этих шлемов, как и у кармирблурских, украшены аналогичными знаками. Такой же шлем более вытянутой формы, украшенный аналогичным знаком, происходит из Северо-восточного Ирана и хранится в Британском музее. В отличие от вышеописанных, на его борту сохранилась надпись царя Ишпуини. Высота шлема 29,5 см⁸⁰ (табл. XIII, рис. 3). находка этого шлема позволяет отметить, что несмотря на то, как указывалось выше, что ранние образцы урартских шлемов украшены гребнями и схожи с

---

⁷⁶ Там же, рис. 19.

⁷⁷ Там же, рис. 23.

⁷⁸ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. III, с. 25.

⁷⁹ Louis Vanden Berghe et Leon de Meyer, Указ. соч., рис. 14, 15.

⁸⁰ Там же, рис. 17.

хеттскими шлемами, а ассирийское влияние начинается с VIII в. до н. э., проникновение в урартское снаряжение ассирийских остроконечных шишаков, по-видимому, начинается уже в конце IX в., в эпоху правления Ишпуини.

Недавно два таких шлема, происходящих из центральных районов Урарту (Гиемли) через Европу попали в Японию (хранятся в музее древностей Востока в Токио). Один из них, представляющий собой остроконечный шишак, в лобной части украшен, как и вышеописанные шлемы, перуном бога Тейшебы. По всей высоте шлема проходит рельефное ребро, что наблюдалось как на части бронзовых и железно-кармирблурских, так и на ряде бронзовых шлемов из центральных районов Урарту⁸¹ (табл. XX, рис. 5).

Исключительным памятником урартского искусства является второй шлем из японской коллекции⁸² (табл. XV). Он также представляет собой остроконечный шишак. Его срединное ребро, в отличие от всех известных урартских шлемов, сильно выступает над шишаком в виде острого пера.

Лобная часть под срединным ребром украшена изображением бычьей головы с короткими крутыми рогами. Внутри этой своеобразной рамки имеется изображение ритуальной композиции. Центральной фигурой этой композиции является изображение человека выше талии. Тулово его с надетым панцирем передано в фас, а голова в профиль (детали лица не сохранились). Он обеими руками держит за шеи крылатых быков и как бы старается усмирить их, что, судя по позе несколько ослабленных животных, вполне удастся ему.

Боковые стороны по всей окружности шлема украшены рельефным изображением двух змей, головы которых лишь несколько отступают от центрального вышеописанного изображения. Поверх фигуры змей с обеих сторон расположены друг за другом изображения фантастических животных. Впереди (с каждой стороны) шествует лев с раскрытой пастью, густой гривой и высоко приподнятым над спиной хвостом. Короткие уши прижаты к голове, в раскрытой пасти виден страшный оскал зубов. Ноги украшены округлыми линиями, подчеркивающими мышцы грозных хищников. За львом следует крылатый бык с крупным кривым рогом. Передние ноги сгруппированы как бы для прыжка. Длинный хвост почти волочится по земле. Рот быка также приоткрыт, крупно обозначен округлый глаз. За быком шествует крылатый лев с головой хищной птицы.

---

⁸¹ Tanabe K., Hori A., Havashi T., Mivashita S. Ishida K. Studies in the Urartian Bronze Objects from Japanese Collections, Bulletin of the Ancient Orient Museum, vol. IV, Tokyo, 1982.

⁸² Там же, рис. 7.

Выше уже указывалось, что в знаке четырехзубцов, отдаленно напоминающем лосиную голову, Б. Б. Пиотровский видит перун бога громовика Тейшебы. находка рассматриваемого шлема, лобная часть которого украшена изображением бычьей головы с крупными крутыми рогами, полностью подтверждает это давно высказанное мнение. Возможно, что изображенный в лобной части бычьей головы человек, покоряющий крылатых небесных быков, является самим богом Тейшеба, умиряющим буйства небесной стихии с наступлением весенне-летнего времени, о чем говорят фигуры львов, изображенных на этом же шлеме.

Примечательно, что Тейшеба, являющийся урартским верховным богом войны, дождя, бури, небесной стихии, мог не только послать бурю, но и послать небесный огонь, сжигающий все живое. Об этом красочно говорится в тексте летописи царя Сардури II, сына Аргишти, высеченной на северном склоне Ванской скалы.

Так в надписи на лицевой стороне базы стены пишется: «Сардури говорит: В том же году в третий раз (?) выступил я (в поход) на страну Аркукив, победил я страну Аркукив, страну Адахуни, страну Луллуни, страну Эшума, страну Камнив, страну Куалбани, страну Ухуни, страну Теряни, 20 цитаделей, укрепленных, в бою я завоевал, 120 городов в один день захватил; крепости разрушил, города сжег, страну разорил, мужчины (и) женщин оттуда я увел.

Сардури говорит: (тот) народ, который (из страха) перед (моя) оружием (?) сбежал (?) (и) занял (?) гору (?) Ушкиани (и) гору (?) Бамни; я (их) окружил (?) (и) умертвил, других (?) (же) (которые) бежали, **бог Тейшеба сжег**»⁸³.

Урартские шлемы были найдены и вне пределов самого государства. Очень близок к кармирблурским шлем из Галиатского могильника в Фаскау⁸⁴, представляющий собой грубо склепанный из листовой меди остроконечник, высотой 31 см без какой-либо орнаментации.

Б. С. Рабинович считает шлем из Фаскау изделием местного производства, однако, рассматривает его как продукт культурных связей между Северным Кавказом и Передней Азией⁸⁵. Подобный шлем с надписью Аргишти, происходящий с Северного Кавказа из

⁸³ Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, 155 (27—28).

⁸⁴ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа (МАК), V., 1909, с. 276; Семенов П. П. Шлемы из Северной Осетии. Краткие сообщения института истории материальной культуры (КСИИМК), вып. 52, 1955, с. 61.

⁸⁵ Рабинович Б. С. Шлем скифского периода. Гос. Эрмитаж, Труды отдела истории первобытной культуры, с. 104.

могильника Верхняя Рутка Терской области, хранится в Берлинском музее⁸⁶ (табл. XIII, рис. 4).

Фрагмент подобного шлема обнаружен в Абхазии (село Приморское)⁸⁷. Аналогичный шлем обнаружен в Триалети, в могильнике у дороги Бешташен Сафар-Хараба. Он изготовлен из бронзы и имеет коническую форму.

Б. А. Куфтин, опубликовавший этот шлем, отмечает сходство шлемов из Фаскау и Абхазии и указывает, что триалетский шлем отличается лишь присутствием боковых отростков, служивших нащипками⁸⁸. Бронзовые шлемы были найдены и в I Арчадзорском кургане⁸⁹. Часть упомянутых шлемов Закавказья и с Северного Кавказа имеют несомненно урартское происхождение, другие же изготовлены, вероятно, местными мастерами, но под влиянием урартских или переднеазиатских образцов.

Ассирийский шлем типа вышеописанных был обнаружен в Фивах⁹⁰, а подобные изображения в большом количестве встречаются на ассирийских рельефах из дворца Ашурбанипала II⁹¹.

Урартские конические шлемы хорошо известны по памятникам изобразительного искусства⁹². Всадники и колесничные, как уже указывалось, изображенные на шлемах Аргишти I и Сардури II, носят такие же шлемы, как и те, на которых они изображены.

Аналогичные шлемы надеты на головы пехотинцев, всадников и колесничных, изображенных на бронзовых колчанах из Кармир блура⁹³, поясах из Нор-Ареша (Ереван)⁹⁴, Мецамора⁹⁵, Каялидера⁹⁶ и Аданского музея⁹⁷ и т. д. Изображения таких же шлемов мож-

---

⁸⁶ Nagel W. Ein urartischen Helm aus dem Argisti, Magazin in Archiv für Orientforschung vol. 19, 1959/1960, с. 144—147, рис. 1—3.

⁸⁷ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, с. 140.

⁸⁸ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 68, табл. XI.

⁸⁹ Отчеты археологической комиссии за 1894 г. С-Петербург, 1896, с. 68.

⁹⁰ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. III, с. 25.

⁹¹ Пиотровский Б. Б. Ванское царство, с. 167.

⁹² Varnet A. D., ук. соч., табл. 10, 12, 90, 109—114, 168 и т. д.

⁹³ Пиотровский Б. Б. Ванское царство, табл. XI.

⁹⁴ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, табл. XXV, XXXI.

⁹⁵ Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С., Мецамор. Ереван, 1973, рис. 170.

⁹⁶ Вургун С. А., указ. соч., рис. 10.

⁹⁷ Tasvürek O. A. The Urartian Belts in the Adana Regional Museum 1975, рис. 8, 9, 14, 16.

но увидеть на бронзовой обивке из Гиемли с надписью Аргишти I, на каждой полосе которой изображены по два пеших воина и по два колесничных в остроконечных шлемах⁹⁸. Все эти шлемы напоминают кармирблурские, но имеют небольшие различия в орнаментации. Исключение составляют лишь шлемы колесничных, изображенных на поясе из Каялидера, от затылочных частей которых опускаются выступы, закрывающие шею от ударов рубящего оружия.

Интересен также шлем на голове бронзовой статуэтки бога Халди из Вапа⁹⁹, украшенный в лобной части изогнутыми рельефными рогами.

Как уже указывалось, в урартском защитном снаряжении кроме бронзовых, применялись также железные шлемы. Один из них найден в Кармир блуре. От него сохранилась лишь верхняя, довольно большая часть, что дает возможность сказать, что этот шлем также представляет собой остроконечный шишак. В его лицевой части сохранилась рельефная вертикальная линия, наподобие линий на части вышеописанных бронзовых шлемов из Кармир блура, центральных и восточных районов Урарту (хранится в Музее истории гор. Еревана) (табл. XX, рис. 2)¹⁰⁰.

Два других железных шлема найдены в центральных районах Урарту (хранятся в музее Мюнхена). Один из них представляет несколько низкую каску с невысоким, слегка суживающимся острием, высота его 24,8 см, диаметр 18,6 — 21,4 см¹⁰¹ (табл. XIII, рис. 10). Второй, имея ту же форму, отличается высоким тонким острием. Высота 25,5 см, диаметр 17—24 см¹⁰² (табл. XIII, рис. 11).

К этому же типу шлемов относится третий вариант шлемов арцваникских статуэток, которые также имеют форму полукруглой каски с возвышающимся в центре остроконечным выступом (табл. XII, рис. 5, 6), наподобие вышеуказанного железного шлема с острым выступом.

Хотя арцваникские статуэтки датируются VI—V вв. до н. э., форма их шлемов более ранняя. Особенно интересны шлемы третьего варианта с остроконечным выступом, возвышающимся в центре каски. По всей вероятности, эта форма шлемов произошла под влиянием урартских образцов.

Бронзовые и железные шлемы для своего времени были весьма дорогостоящей частью снаряжения воина. Их, по-видимому, имели лишь представители племенной знати, а в урартской армии — спе-

⁹⁸ Urartu. Ein wiederentdeckter Revele Assuriens Katalog.

⁹⁹ Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту, рис. 46.

¹⁰⁰ Есаян С. А. Каталог архивных предметов, табл. XXXV, рис. 1.

¹⁰¹ Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Указ. соч., рис. 25.

¹⁰² Там же, рис. 26.

циальные воинские отряды. Вместе с тем, как видим, диаметр урартских шлемов очень велик (21—28 см), что соответствует 68—85 размеру. Естественно это указывает не на размер головы урартских воинов, а на то, что под шлемами носились мягкие, возможно войлочные, шапочки.

Основной состав племенных военных дружин и урартского войска сражался с непокрытой головой или в мягких войлочных шлемах (шапках), что было характерно и для войск других стран Древнего Востока¹⁰³. Некоторое представление о шлемах рядовых воинов дают мягкие шапочки урартских послов, изображения которых сохранились на рельефах Ашурбинипала¹⁰⁴. Эти урартские шапочки обнаруживают большое сходство с шапочками арменов, изображенных на рельефах Ксеркса в Персеполе¹⁰⁵.

В Армении известна и несколько иная форма мягких шапочек. Обшитые мелкими чечевицеобразными сурьмяными бусами, придававшими этим своеобразным шлемам издали блестящий, почти серебристый блеск, они дополнительно укрепляли их. Остатки таких шапочек, которые Б. А. Куфтин считает панцирными чепцами¹⁰⁶, были найдены в погребении № 59 Редкин лагеря (раскопки Ф. Байерна) и в Эларском могильнике¹⁰⁷. Остается неясным, пришивались ли эти чепцы к панцирным рубашам, как составные части единого снаряжения, или носились отдельно, хотя возможно применение обоих вариантов.

НАЛОБНЫЕ ПЛАСТИНЫ

В коллекциях памятников материальной культуры древней Армении выделяется небольшая группа украшений, которые одновременно представляли собой и предметы защитного снаряжения. К этой группе относятся металлические, так называемые налобные пластины (диадемы), часть которых богато орнаментирована. Такие пластины имеют по одному сквозному отверстию на концах, или свернуты трубочкой для стягивания на затылке посредством ремешков. Они нашивались на матерчатую или кожаную основу, чтобы было удобно их носить. Кроме того, мягкая основа металличе-

---

¹⁰³ Botta P. E. et Flandern. Monument de Ninve, t. 11, Paris, 1846—185, табл. 160.

¹⁰⁴ Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту, с. 40.

¹⁰⁵ Schmidt E. F. Persepolis, Chicago, 1953, табл. 29.

¹⁰⁶ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 57.

¹⁰⁷ Ханзадян Э. В. Элар-Дарани. Ереван, 1979, с. 156—157.

кой пластины смягчала удар оружия противника и служила дополнительной защитой.

Наиболее ранние находки налобных пластин в Армении происходят из богатых лчашенских курганов XIV—XIII вв. до н. э.¹⁰⁸. Лчашенские налобные пластины сильно фрагментированы, длина их доходит до 40—45 см, ширина по всей длине 4—5 см и лишь концы пластин слегка округлены. Аналогичную форму и размеры имеет серебряная пластина из погребения № 1 Гегаротского могильника, датированная XIV—XIII вв. до н. э.¹⁰⁹ (табл. XXI, рис. 2).

Несколько иная форма у арктических налобных пластин, найденных в погребениях 15, 97, 279 и 297, относящихся к XII—XI вв. до н. э.¹¹⁰. Их средняя часть слегка расширена, но концы их не только закруглены, но и сужены. Все они бронзовые, гладкие, лишенные какой-либо орнаментации. Исключение составляет налобная пластина такой же формы из погребения 279, которая богато орнаментирована. Вся ее лицевая поверхность покрыта точечным узором, образующим пояс, на котором находится изображение козла с загнутыми назад рогами, приподнятой мордой и вытянутыми задними и передними ногами. В центре пластины имеется изображение свастики, а края украшены спиралью с отходящими линиями, передающими, по всей вероятности, изображение змей¹¹¹ (табл. XXI, рис. 1).

Орнамент в форме свастики известен не только на налобных пластинах. В виде росписей и вдавленных линий свастика часто встречается на керамике из Лчашена, Артика, Редкин лагеря, Еревана, Кировакана, Астхи блура и т. д., украшая днище, горло или тулово сосудов в сочетании с геометрическими узорами в виде крестов, спиралей, треугольников и т. д., а иногда — с изображением коз. Подобные орнаментальные мотивы на керамике Армении появляются в первой половине II тыс. до н. э. и бытуют до конца железного века.

Знаки свастики встречаются и на оружии (секиры из Артика, кинжалы из Куйбышева и Туманяна). Изображение свастики вместе с крестом и фигурой человека с приподнятыми руками и широко расставленными ногами можно увидеть на бронзовых ножнах кинжала из Акнера. Особенно многочисленны изображения свастики на оловянных и сурьмяных подвесках-амулетах из Редкин лаге-

¹⁰⁸ Инвентарь Государственного исторического музея Армении (инв. ГИМА) 20009/544, 2049/95, 96, 313.

¹⁰⁹ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 90, рис. 43.

¹¹⁰ Хачатрян Б. С. Арктический некрополь (каталог). Ереван, 1979, см. таблицы указанных погребений.

¹¹¹ Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975, с. 241, рис. 124.

ря, Джархеча, Кировакана и других памятников начала I тыс. до н. э.¹¹². Все эти изображения имеют не только художественное значение, а являются символами культа солнца, молнии, воды, плодородия и т. д.¹¹³.

Поэтому диадемы, подобные арктической, можно рассматривать не только как предметы защитного снаряжения или украшения, но и как предметы культового назначения, позволяющие составить представление о древних верованиях племен Армянского нагорья.

Находки подобных пластин рассматриваемого типа довольно часты в памятниках Закавказья. Наиболее ранней является медная налобная пластина, происходящая из верхнего яруса могильника Квацхела эпохи ранней бронзы, украшенная изображением козла и птицы, которую исследователи памятника сравнивают с золотыми и серебрянными диадемами из Ура и Теле-Гиссара¹¹⁴.

Большое количество бронзовых налобных пластинок (более 30 экз.) найдено в погребениях XIV—XIII вв. до н. э. Тлийского могильника¹¹⁵. Тлийские налобные пластины имеют прямоугольную форму, на их концах находятся по два отверстия для стягивания на затылке. Большинство пластин украшены изображениями свастик, орнаментов в виде шестиконечной звезды, вписанной в круг, крестов, ромбов и т. д. Встречаются также изображения коз, узоры из закрученных с двух концов спиралей, имитирующих изображения бараньих и бычьих рогов.

Интересная налобная пластина была обнаружена О. Хнкияном в богатом кургане рубежа II—I тыс. до н. э. в местности Мичин Арт близ села Тандзавер Кафанского района Армянской ССР. Она имеет форму вытянутого овала (длина 40 см, ширина в центре — 8 см, у краев — 1 см) с свернутыми трубочкой концами для стягивания на затылке, была натянута на кожаную подкладку¹¹⁶. Центральная часть пластины украшена вертикальным елочным орнаментом, многорядными точечными линиями, по обе стороны которых горизонтально расположены заполненные точечным орнаментом треугольники и два полуокружья, соединенные заштрихованными углами (табл. XXI, рис. 4).

Две другие налобные пластины найдены в селе Шикахох того же Кафанского района. Одна из них, обнаруженная О. Хнкияном

¹¹² Есаян С. А. Амулеты, связанные с культом Солнца из Армении. «Советская археология», № 2, 1968, с. 255—260.

¹¹³ Есаян С. А. Скульптура древней Армении, с. 26.

¹¹⁴ Джавахишвили А. И., Глонти Л. И. Урбиси I. Тбилиси, 1962, с. 42.

¹¹⁵ Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 51—56, рис. 51, 54.

¹¹⁶ Хнкиян О. Раскопки близ сел Тапдзавер и Шикахох. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1975, № 2, с. 241, табл. III, рис. 14.

в погребении № 2, имеет длину 41,5 см, ширину в центре 11 см. Концы ее резко сужены и свернуты трубочкой для стягивания на затылке¹¹⁷ (табл. XXI, рис. 3). Борта пластины украшены короткими штрихами, а в середине находится квадрат с точечной розеткой в центре и четырем квадратами по углам, составляющими сложный геометрический узор, по обе стороны которого расположены заштрихованные ромбы и треугольники.

Хорошо орнаментирована и вторая налобная пластина, случайно найденная близ того же села Шикахох¹¹⁸. В отличие от первой, она не овальная, а равномерно суживающаяся, длина ее 40 см, ширина в центре 8 см. На полукруглых концах имеются сквозные отверстия для стягивания на затылке. Борта пластины украшены бордюром из коротких штрихов и треугольников с направленными к центру вершинами. В центральной части пластина украшена свастикой неправильной формы. По обе стороны от нее проходят соединенные с бордюром вертикальные заштрихованные линии, с отходящими от их середины короткими штрихами и спаренными треугольниками (табл. XXI, рис. 5).

Еще одна хорошо орнаментированная налобная пластина обнаружена вместе с другими бронзовыми изделиями в селе Арцваник того же Кафанского района¹¹⁹. Длина ее 36 см, ширина в центре 10 см, по краям — 1 см. Узкие края свернуты трубочкой для стягивания на затылке. Борта ее украшены короткими штрихами. Вдоль центра проходят 10 рельефных кружков, каждый из которых обрамлен точечным орнаментом (табл. XXI, рис. 6).

В конце II — начале I тыс. до н. э. в памятниках Армении встречаются в основном лишь узкие налобные пластины. Центральная часть их имеет ширину 3—5 см, в то время как края суживаются до 1—1,5 см. Подобные налобные пластины в количестве 9 экземпляров были найдены в Нор-Баязете (в настоящее время Камо)¹²⁰. Все они имеют ширину в центральной части до 3 см, у краев 1,5 см и длину 35—40 см. Концы их также свернуты трубочкой или на них имеются отверстия для стягивания на затылке (табл. XXI, рис. 7). Аналогичные налобные пластины обнаружены А. О. Мнацаканяном в погребениях IX—VIII вв. до н. э. в Севанском бассейне близ сел Золакар и Астхадзор Мартунийского района Армянской ССР. Длина их 36 см, ширина в центре 3,5 см, по краям — 1 см¹²¹. Гладкие налобные пластины этого периода происходят и из других памятников

---

¹¹⁷ Хикикян О. Разведочные раскопки в Кафанском районе. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1973, № 3, с. 238, табл. I, рис. 7.

¹¹⁸ Там же, с. 238, табл. 1, рис. 8.

¹¹⁹ Ивв. ГИМА 2478/5.

¹²⁰ Лалаян Е. Раскопки курганов в Советской Армении. Ереван, 1931, рис. 136.

¹²¹ Ивв. ГИМА 1938, 1908/75.

Севанского бассейна (н. Адиаман и Норатус)¹²², а также в Редкин лагере (раскопки Ф. Байерна)¹²³.

Большое количество налобных пластинок найдено в памятниках конца II — начала I тыс. до н. э. в кургане у Еленендорфа, в погребениях Кедабека, Калакента, Кущи, Човдара, Доланлара, Мингечаура, Кармир Ванка, Хачбулага и в слое III—I веков до н. э. городища Кабалы¹²⁴. Все они гладкие, суженные, на концах имеют по отверстиию.

Бронзовые налобные пластины известны и за пределами Закавказья. Они довольно часто встречаются на Центральном и Северном Кавказе (курган Садки Кабардинского парка в гор. Нальчике¹²⁵, Таркинский могильник¹²⁶ и т. д.). В скифских курганах Северного Причерноморья также найдены налобные пластины, украшенные тисненными изображениями борющихся зверей и растительными узорами. Они обнаружены как в женских, так и в мужских погребениях¹²⁷. Особо следует остановиться на орнаментированных диадемах из Лори-Берда, изготовленных из золотой фольги, украшенных изображениями животных и антропоморфных фигур¹²⁸. Эти диадемы представляли собой прекрасные произведения ювелирного искусства и были слишком тонки, чтобы служить защитным снаряжением.

Итак, рассмотренные налобные пластины из памятников Армении и Закавказья, за исключением лорибердских, являются украшениями и в то же время средством защиты в бою (как бронзовые пояса, пуговицы, бляхи, диски и т. п.). Пришитые к кожаной или матерчатой основе, такие бронзовые пластины толщиной 1—1,5 см могли выдержать довольно сильный удар.

---

¹²² **Мартirosян А. А.** Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 15, рис. 84.

¹²³ **Куфтин Б. А.** Археологические раскопки в Триалети, с. 57.

¹²⁴ Отчет Археологической комиссии за 1899 г. СПб, с. 68, рис. 135; **Ивановский А. А.** По Закавказью. МАК VI, с. 100, 102, 106, 135, 136, табл. VIII; **Гуммель Я. И.** Археологические очерки. Баку, 1940, с. 42—44; **Минкевич-Мустафаева П. В.** Об археологических находках в селе Доланлар. Материальная культура Азербайджана. МКА, I. Баку, I, 1949, с. 52, табл. V; **Фоменко В. П.** Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре, МКА III, Баку, 1953, с. 70.; **Асланов Г. М., Вайдов Р. М., Ионе Г. И.** Древний Мингечаур. Баку, 1971, табл. IV; **Бабаев, И. А., Ахмедов Г. М.** Кабала. Баку, 1981, табл. 12.

¹²⁵ **Деген Б. Е.** Курганы в Кабардинском парке гор. Нальчика. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА, 3. М.—Л., 1941, с. 258—260).

¹²⁶ **Смирнов К. Ф.** Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА 23, Л/Л-д, 1951, с. 251.

¹²⁷ **Ильинская В. А.** Скифы днепровского левобережья. Киев, 1968, с. 138.

¹²⁸ **Деведжян С. Г.** Лори Берд, I. Ереван, 1981, с. 64—65.

Подтверждением этой мысли могут служить аналогичные налобные пластины на непокрытых головах деревянных статуэток богов из Кармир блура, изображающих воинов, вооруженных копьями, луками и стрелами в колчанах¹²⁹. Такая же налобная пластина имеется на лбу скифского царя из Толстой Могилы (реконструкция М. В. Горелика), вооруженного мечом, копьем, булавой, горитом и колчаном, одетого в чушуйчатый панцирь¹³⁰.

Подобные пластины носили воины, особенно легко вооруженные лучники и копьеносцы, а иногда и колесничные, изображения которых известны в ассирийских памятниках. Эти налобные пластины охватывают лоб и чуть выступают над головой под углом, благодаря чему попавшие стрелы противника скользили, тем самым ослабляя удар. Особенно примечательно то, что ассирийские воины и, по-видимому, даже цари, изображались в налобных пластинках не только в сценах торжественных церемоний или охоты, но часто и в сценах боя¹³¹, что дает возможность с полным основанием считать налобные пластины предметами защитного снаряжения.

ПА Н Ц И Р И

Простейшим видом вооружения, защищавшего верхнюю часть тела воина и оставлявшего свободными его руки, является рубаха или кафтан, сшитые из кожи или плотной ткани. Шагом в развитии доспеха было укрепление кожаной рубахи металлическими пуговицами, бляхами и дисками различной величины, что украшало панцирь и одновременно делало его более прочным.

Древнейшим на территории Закавказья является набор панцирных дисков, найденный в кургане № XI, расположенном у озера Парвана на высоте 2200 м над уровнем моря, датируемый концом III тыс. до н. э. Здесь вместе с медным копьем, кинжалом, булавами и обсидиановыми стрелами были обнаружены части выпуклых, покрытых точечным узором дисков, с отверстиями в центре для прикрепления ремешками к матерчатой или, скорее, кожаной основе¹³². Однако подобные панцири не получили широкого распространения на территории Армении в эпоху ранней и средней бронзы¹³³. Лишь с начала эпохи поздней бронзы они встречаются доволь-

¹²⁹ **Пиотровский Б. Б.** Кармир блур (альбом). Л., 1970, рис. 34, 35.

¹³⁰ **Черненко Е. В.** Скифские лучники. Киев, 1981, рис. 43.

¹³¹ **Botta E. P. et Flandern** Указ. соч., табл. 99, 24—145; **Barnet P. D.** Указ. соч., табл. 11, 51, 53, 62, 63, 83 и т. д.

¹³² **Куфтин Б. А.** Археологические раскопки в Триалети, с. 101.

¹³³ **Мартirosян А. А.** Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 121.

но часто, причем первоначально в виде украшений. Следует согласиться с мнением И. В. Минкевич-Мустафаевой, которая выдвинула предположение, что пришитые к кожаной основе бляхи являлись и украшением и средством защиты¹³⁴.

Возникновение и распространение панцирного доспеха усиленного металлом И. Ядин справедливо ставит в прямую связь с широким применением боевых колесниц и сложных луков¹³⁵.

Не случайно поэтому, что в Армении широкое распространение панцирей, укрепленных металлическими дисками, бляхами и пуговицами начинается в раннем периоде эпохи поздней бронзы (XIV—XIII вв. до н. э.), когда здесь уже широко применялись боевые колесницы. Многие панцири были обнаружены в тех памятниках, где были найдены бронзовые модели боевых колесниц (Лчашен, Лори-Берд).

Панцири древней Армении делятся на два типа: 1) кожаные или матерчатые, украшенные пуговицами и круглыми дисками; 2) пластинчатые металлические. Каждый тип в свою очередь подразделяется на ряд вариантов.

К первому варианту 1 типа относятся кожаные и матерчатые рубахи с нашитыми на них пуговицами различной величины. К числу самых ранних панцирей этого варианта принадлежат находки XIV—XIII вв. до н. э. из Лчашена. Здесь обнаружено большое количество блях и пуговиц различной величины, которые пришивались как к одежде воинов, так и к конской попоне для защиты груди и боков лошади. В одном случае рядом со скелетом обнаружены бронзовые пуговицы различной величины. Все они круглые, полые внутри, с одним перекинутым стерженьком для пришивания к панцирной рубахе. Под пуговицами в прогнившем слое иногда встречаются совершенно истлевшие остатки кожи или ткани¹³⁶.

Остатки аналогичного панциря были найдены в погребении № 3 Артикского могильника, также датируемого XIV—XIII вв. до н. э. При расчистке костяка в области его грудной клетки были обнаружены следы кожи. Здесь же найдена крупная бляха с рельефным крестообразным орнаментом (стороны креста были украшены клиновидными выемками) и свыше ста мелких пуговиц, на внутренних сторонах которых также сохранились следы кожи¹³⁷. В погребении № 497 того же Артикского могильника, датируемого XII—

---

¹³⁴ Минкевич-Мустафаева И. В. Об археологических находках из села Долапдар, с. 61, табл. IV.

¹³⁵ Vadin V. *The Art of Warfare in Biblical Lands*, London, 1963, с. 85.

¹³⁶ Есаян С. А. Оружие и военное дело, с. 100.

¹³⁷ Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, с. 60, рис. 3.

XI вв. до н. э. обнаружено 40 аналогичных пуговиц¹³⁸, по-видимому, также являющихся остатками панциря (табл. XXII, рис. 4).

Типологически и хронологически к арктиским пуговицам близки мелкие пуговицы из погребений № 3 и 7 Кармирбердского могильника, найденные на груди погребенных и, по-видимому, также представляющих собой остатки панцирей¹³⁹.

По-видимому, такую же форму имел лорибердский панцирь из погребения № 9. Панцирные пуговицы этого погребения делятся на три типа: 1) полушаровидные с маленькой петлей (59 экз.); 2) полушаровидные, у которых вместо петли имеются зубцы для прикрепления к коже (180 экз.) и 3) дискообразные, украшенные выпуклостями и пунсонами, которые также имеют с двух сторон зубцы для прикрепления к коже. Здесь же был найден круглый щиток с маленькой бронзовой петлей, с обратной стороны низ которого заполнен пастой бурого цвета¹⁴⁰.

Панцирь того же типа был обнаружен в Дилижане. Судя по сопровождающему его комплексу, он датируется концом II тыс. до н. э.¹⁴¹ (табл. XXII, оис. 3). От него сохранились 4 бляшки диаметром 6 см и 92 мелких пуговицы, которые с внутренней стороны снабжены стерженьком для пришивания к матерчатой основе, следы которой сохранились под пуговицами. Панцирь подобного типа найден в погребении № 13 могильника Хурджин-Хогер близ села Арцаваберд (быв. Кирги) Шамшадинского района Армянской ССР¹⁴². Здесь найдены 4 крупных бляшки и 12 пуговиц лчашенского типа, пришитых, как и на панцире из Дилижана, к матерчатой основе (табл. XII, рис. 2).

К рассматриваемому типу относятся также панцирные рубахи из погребения № 7 Эларского могильника, датируемого XI—IX вв. до н. э., где обнаружено 1366 украшений из сурьмы, в том числе большое количество бляшек, пуговиц, кольцеобразных и чечевицеобразных бус, из которых составлялись панцирные рубахи¹⁴³, что впервые встречается при находках предметов защитного снаряжения указанного периода в Армении и во всем Закавказье.

Подобного типа пуговицы, быть может также представляющие собой составные части панцирей, найдены в погребениях IX—VIII вв. до н. э. Редкин-лагеря¹⁴⁴ и недавно раскопанного Меградзорского могильника. Одна панцирная бляха обнаружена в Азатаванском

¹³⁸ Хачатрян Т. С. Арктиский некрополь, табл. 497.

¹³⁹ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 83.

¹⁴⁰ Деведжян С. Г. Лори-берд, 1, с. 46, табл. XIII.

¹⁴¹ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, с. 105.

¹⁴² Там же, с. 111.

¹⁴³ Ханзадян Э. В. Элар-Дарани. Ереван, 1979, с. 156.

¹⁴⁴ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 199.

кургане VI—V вв. до н. э.¹⁴⁵. Это позволяет предположить, что подобные панцири бытовали до VI—V вв. до н. э. Более поздних достижений такого типа в Армении не известно.

Панцири второго варианта рассматриваемого типа представляли собой такие же кожаные или плотные матерчатые рубахи, на которые, однако, нашивались не пуговицы, а крупные бронзовые диски. Панцирные диски случайно найдены в селе Айгедзор Шамшадинского района Армянской ССР вместе с мечом закавказского типа, датируемым XII—XI вв. до н. э.¹⁴⁶ (табл. XXIII, рис. 2). Такой же диск, украшенный концентрическими кругами и треугольниками, заполненными точечным орнаментом, обнаружен в «каменном ящике» близ села Лусадзор Иджеванского района Армянской ССР вместе с бронзовой секирой, кинжалом с трубчатой рукоятью и рядом других предметов, датируемых XI в. до н. э.¹⁴⁷ (табл. XXIII, рис. 1).

В фондах Государственного исторического музея Армении хранится такой же, но более массивный панцирный диск, случайно найденный при земляных работах в Кировабаде, украшенный колосовидным орнаментом и узором в виде бегущей спирали, найденный вместе с массивным мечом, аналогичным найденному в Айгедзоре и датируемым XII—XI вв. до н. э.¹⁴⁸ (табл. XXIII, рис. 3). В 1974 г. в Государственный исторический музей Армении из разрушенных погребений близ села Геташен Дашкесанского района Аз. ССР была доставлена большая группа случайно найденных украшений (около 200 экземпляров), среди которых были крупные бронзовые дисковидные и круглые диски и пластины, а также плоские бляхи с четырьмя стерженьками для пришивания. Эти находки свидетельствуют о широком наборе панцирных рубах, применяемых древними обитателями указанного региона.

Развитая форма подобных панцирей представлена панцирем из погребения № 6 XII—X вв. до н. э. Головинского могильника¹⁴⁹. Это витой кожаный нагрудник, завязывающийся четырьмя ремешками на талии и двумя на шее (табл. XXIV, рис. 2). На груди были закреплены шесть крупных дисков с тремя стерженьками на внутренней стороне и около ста небольших пуговиц с одним стерженьком

¹⁴⁵ Есаян С. А. Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина. Советская археология, 1965, № 3, с. 232.

¹⁴⁶ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, табл. 93, рис. 20.

¹⁴⁷ Есаян С. А. Указ. соч., табл. 90.

¹⁴⁸ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, табл. 93, рис. 22.

¹⁴⁹ Мнацаканян А. О. Раскопки погребений в Головино. Труды Гос. исторического музея Армении, т. V. Ереван, 1969, с. 32, рис. 15.

для пришивания. В области живота панцирь был дополнительно укреплен небольшим деревянным диском, вдетым в бронзовый ободок.

По-видимому, такую же конструкцию имел панцирь из погребения № 2 Лорибердского могильника, где было найдено 20 бронзовых пуговиц, 8 из которых покрыты тонким листовым серебром, эллипсовидная деревянная дощечка и многочисленные металлические гвозди с полусферическими шляпками. Все эти пуговицы пришивались к матерчатой основе. В области живота и груди на панцире были укреплены деревянные дощечки в бронзовой эллипсовидной оправе, поверхность которых была покрыта вбитыми в них полусферическими гвоздями¹⁵⁰. В погребении № 7 Лори-Берда также обнаружено большое количество бронзовых полусферических бляшек и бронзовых, покрытых серебром пуговиц, а в погребении № 14 — серебряный ободок от деревянного диска¹⁵¹, что позволяет предположить наличие в этих разграбленных погребениях остатков аналогичных панцирей.

Остатки такого же панциря в виде эллипсовидной бронзовой оправы с сохранившимися следами деревянного диска найдены в вышеуказанном погребении 2 близ села Агавнадзор Разданского района Арм. ССР, раскопанного Л. Н. Биановым. Следует отметить, что эта находка была обнаружена не в области живота покойника, а около рук на уровне головы. Живот погребенного был защищен кожаным поясом с пришитыми пуговицами и бляхами¹⁵², что дает возможность предположить, что в данном случае указанный диск пришивался к нагрудной части, а живот защищал кожаный пояс с нашитыми бляшками.

Таким образом, новые находки в Лори-Берде и Агавнадзоре свидетельствуют о распространении в конце эпохи бронзы панцирей головинского типа, представляющих собой уже не рубаху с нашивными пуговицами, бусами или дисками, а самостоятельный панцирь в виде нагрудника, укрепленного бронзовыми и деревянными дисками и различными бляшками и пуговицами.

Панцири обоих вариантов 1 типа известны в ряде других памятников Закавказья. Они представлены находками крупных выпуклых дисков и пуговиц в Кедабеке (раскопки А. А. Ивановского)¹⁵³ и Гюльдиг Даге (раскопки Э. Реслера)¹⁵⁴. Диски несколько иной формы с тупыми зубцами были обнаружены в селе Доланлар

---

¹⁵⁰ Деведжян С. Г. Лорп-Берд, с. 33, 34, табл. VII.

¹⁵¹ Там же, с. 34.

¹⁵² Материалы находятся в печати.

¹⁵³ Ивановский А. А. По Закавказью, табл. VIII, рис. 14—18.

¹⁵⁴ Отчеты Археологической комиссии за 1889 г., с. 73, рис. 149.

(Азербайджанская ССР)¹⁵⁵. Диски от панцирей несколько иной формы были обнаружены Я. И. Гуммелем в кургане № 1 около Еленендорфа, датируемом XII—XI вв. до н. э. Один из них, диаметром 20,3 см, украшен тремя концентрическими кругами. На его внутренней стороне находятся 4 петли для пришивания к коже. Второй диск, диаметром 21,2 см, украшен рельефным кругом и отходящими от него 16 короткими рельефными линиями. Я. И. Гуммель считает, что это было изображением солнечного диска с отходящими лучами. Сами диски он рассматривает как умбоны от щита¹⁵⁶. Нам кажется, что оба диска были прикреплены к одному панцирю (табл. XXIII, рис. 4). Сделать такое предположение позволяет форма панцирей на антропоморфных фигурах, изображенных на бронзовом поясе начала I тыс. до н. э. из Лчашена (табл. XXIII, рис. 5).

Подобные панцири с нашитыми дисками, по всей вероятности, бытовали и в урартскую эпоху. Об этом свидетельствует текст большой глиняной таблички с описанием похода Саргона II, 714 г. до н. э., где в перечне захваченных драгоценностей в Мусасирском храме упоминаются «9 тканей, одежда божественности его, на которую нашиты золотые диски»¹⁵⁷. Частями панциря, видимо, являются также крупные бронзовые диски, найденные Ч. Барнеем при раскопках Каялидере. Один из них, крупный с конической выступающей средней частью, украшен концентрическими кругами и точечным орнаментом. Два других имеют аналогичную форму, но гладкие¹⁵⁸.

Фрагменты крупного бронзового панцирного диска диаметром 25 см, края которого снабжены многочисленными отверстиями для пришивания, обнаружены при раскопках урартского погребения № 2 Саруханского могильника (район им. Камо Арм. ССР)¹⁵⁹. Крупный панцирный диск VIII—VII вв. до н. э. диаметром 25,5 см с богато орнаментированной поверхностью происходит из центральных районов Урарту (хранится в музее Лез Аск, Франция)¹⁶⁰. Его орнаментальные мотивы в виде фантастических животных расположены в трех концентрических полосах, оконтуренных рельефными линиями. Как и на урартских щитах Аргишти I, Сардури II и Русы I эти изображения расположены с учетом вертикального положения и поэтому ни одна из фигур не дана в перевернутом виде

---

¹⁵⁵ Минкевич-Мустафасва Н. В. Об археологических находках из села Долашлар, с. 61, табл. IV, рис. 8, 9.

¹⁵⁶ Гуммель Я. И. Погребальный курган № 1 около Еленендорфа. Баку, 1931, с. 14, табл. VI, рис. 17, 18.

¹⁵⁷ Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту, с. 36.

¹⁵⁸ Вигнеу С. А. Указ. соч., XI, рис. 1.

¹⁵⁹ Раскопки А. С. Пилипосяна, Материалы подготавливаются к печати.

¹⁶⁰ Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer, Указ. соч., рис. 85.

(табл. VI). Так, на внешней полосе, разделенной на четыре сектора, размещены по шесть грифонов, но в их иконографии имеются некоторые отличия. В верхних секторах (справа и слева) размещены по 1) крылатому льву с головой человека, 2) крылатому льву с головой барана, 3) крылатому быку, 4) крылатому льву с головой птицы, 5) крылатому льву и 6) крылатому льву с головой козы. В обоих нижних секторах размещены те же фигуры с небольшими различиями: 1) крылатый лев с головой человека в шапке, 2) крылатый лев с головой хищной птицы, 3) крылатый лев с головой человека в шапке, 4) крылатый бык с головой человека в шапке. 5) крылатый лев с головой мычащего быка, 6) крылатый бык. Фигуры верхнего и нижнего секторов отличаются не просто количеством и расположением фигур, но и иконографически. Так, первые крылатые львы обоих верхних секторов снабжены женскими головками с длинными ниспадающими волосами. В отличие от них, первые и третьи крылатые львы обоих нижних секторов снабжены головами безбородых людей в шапках с небольшими округлыми выступами, а четвертые крылатые быки тех же обоих нижних секторов снабжены головами бородатых и безбородых людей в шапках с небольшими округлыми выступами.

Имеются отличия и в изображениях животных. Так в обоих нижних секторах за крылатыми львами с головой бородатых людей идут крылатые львы с головами мычащих животных: быка справа и барана слева.

Значительно меньше фигур во втором внутреннем круге, которые иконографически повторяют изображения первого круга, но имеют несколько иное расположение. Так, в обоих верхних секторах изображены: 1) крылатые львы с головами людей, на головах которых надеты круглые шапочки с рогами; 2) крылатые львы с головами хищной птицы и крылатые львы с козлиными головами. В обоих нижних секторах изображены крылатые быки с бородатыми человеческими головами, в шапках с откинутым верхом, крылатые быки и крылатые козы.

В центральном круге изображен высокий крылатый человек, стоящий на быке. Он стоит в спокойной позе: его правая нога опирается на шею, а левая на спину животного. Оголенные руки вытянуты вперед (правая слегка приподнята) для благословения, на правом плече крупный лук.

Лицо с небольшим миндалевидным глазом, прямым носом и небольшим ртом передано в профиль. Подбородок прикрыт широкой, длинной бородой. Он одет в короткий, выше колен кафтан, подол которого украшен бахромой, и в длинный до щиколоток босых ног плащ, подол которого также украшен бахромой. На голове круглая шапочка с плоским верхом, украшена круглым выступом в центре и рогами в лобной части. Иконографически (наличие рогов) вид-

но, что здесь изображен бог, а стоящий под ним бык четко указывает, что это урартский бог войны и бури — Тейшеба.

Находка этого замечательного панцирного диска показывает, что аборигены Армянского нагорья имели приблизительно одинаковое вооружение, характерное как для древневосточных племен, так и государств.

Не меньшее значение для уточнения общности защитного снаряжения имеет другой, менее роскошный панцирный диск, также найденный в центральных областях Урарту¹⁶¹ (хранится в Швейцарском музее). Этот диск имеет чуть коническую форму (диаметр 24,6 см) и украшена тремя двойными концентрическими кругами. На нем сохранилась надпись Менуа, свидетельствующая не только о его принадлежности, но и, что не менее важно, датировке (IX—VIII вв. до н. э.).

Ко второму типу панцирей древней Армении относятся так называемые чешуйчатые панцири, которые делятся на два варианта: 1) кожаные или матерчатые рубахи с нашитыми на них рядами прямоугольными бронзовыми или железными пластинами. Нижние округленные края пластин одного ряда, как чешуйки, находят на пластины каждого следующего ряда (отсюда и название чешуйчатые панцири); 2) панцири, составленные из самостоятельно скрепленных между собой рядами, также в виде чешуи, бронзовых пластин той же формы. Но под таким металлическим панцирем воины носили кожаную или матерчатую рубаху.

К числу наиболее ранних пластин от чешуйчатых панцирей второго варианта относятся бронзовые пластины, найденные в Нор-Баязетском уезде Ереванской губернии (ныне район им. Камо Арм. ССР) Е. А. Лалаяном в начале нашего столетия¹⁶². Эти пластины (23 экз.) делятся на два типа — 1) с остроконечными и 2) закругленными краями (чешуйки второго типа, в свою очередь делятся на 2 варианта — крупные и мелкие), рельефным ребром в середине и крупными отверстиями по сторонам (табл. XXIV, рис. 1). Длина этих чешуек колеблется от 5 до 7,7 см, а ширина от 2,3 до 3,3 см. Расположение отверстий указывает на то, что пластины составляли самостоятельную панцирную рубаху, а не нашивались на кожаную или матерчатую основу.

Датировка рассматриваемых панцирных пластин представляет определенную трудность, так как в ГИМА, где они хранятся, полностью отсутствует документация и сопровождающие материалы. На основании близости этих пластинок к урартским формам я датировал их началом I тыс. до н. э.¹⁶³ А. А. Мартиросян и Е. В. Чер-

¹⁶¹ Там же, рис. 84.

¹⁶² Коллекция ГИМА № 20/60.

¹⁶³ Есаян С. А. Защитное вооружение в древней Армении, с. 203; Его же,

пенко, сравнивая такие же пластины из Нор-Баязета с аналогичными пластинами из Мегидо и Нузи, датируют их XV—XII вв. до н. э.¹⁶⁴.

В настоящее время я считаю датировку А. А. Мартиросяна и Е. В. Черненко более точной, так как часть Нор-Баязетских пластин, в частности пластины I типа, находят аналогии не только в материалах Мегидо и Нузи, но и Чога-Зенбила, Трои и других памятниках эпохи поздней бронзы.

Чешуйчатые панцири в Закавказье, за пределами Армении впервые появляются вероятно также в эпоху поздней бронзы. Пока они найдены лишь в погребениях №№ 1, 10, 26 и 105 могильника Гадрекиле, в кургане № 1 Цителигореби и в погребениях близ села Магаро в Кахетии. Часть этих пластин К. Н. Пицхелаури сравнивает с близкими пластинами из Богазкоя, Алалаха, Нузи, Рас-Шамры, Мегидо, Трои и других памятников и датирует их ранней фазой эпохи поздней бронзы — XV—XIII вв. до н. э.¹⁶⁵.

Чешуйчатые панцири обоих вариантов особенно широко распространяются в урартскую эпоху, о чем свидетельствуют письменные источники. Так, в надписи ассирийского царя Саргона II об армии Русы II говорится следующее: «... не страшился его многочисленных панцирных воинов...»¹⁶⁶.

Чешуйчатые панцири первого варианта хорошо известны по материалам урартской крепости VII—начала VI вв. до н. э. Тейшебаини, где обнаружено большое количество бронзовых и железных пластин от трех панцирей. 159 железных пластин длиной 3 см, шириной 1,8 см, с тремя отверстиями в верхней части были обнаружены в помещении № 38 (табл. XXIV, рис. 5). Здесь же найдено 13 более крупных железных пластин (длина 4,8 см, ширина 2—2,2 см), которые, помимо трех отверстий сверху, имели чуть ниже середины, в правой части пластины, еще по одному отверстию.

Остатки второго железного панциря были обнаружены в помещении № 40, где было собрано 150 малых пластин (длина 3 см, ширина 1,8 см). Они несколько отличаются от пластин первого пан-

---

К вопросу о вооружении и военной организации племен древней Армении (по материалам Севанского бассейна), Историко-филологич. журнал АН Арм. ССР, 1965, № 1, с. 278.

¹⁶⁴ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 85; Е. В. Черненко Скифский доспех, с. 132.

¹⁶⁵ Пицхелаури Е. И. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979, с. 100, табл. XXXII.

¹⁶⁶ Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2—3, с. 235.

циря расположением трех отверстий, которые находятся не в верхней, а в средней части пластин¹⁶⁷.

Близкие по форме бронзовые панцирные пластины длиной 3 см, шириной 1,5 см были найдены в 1951 г. в помещении А крепости Тейшебаини. Нижний край такой пластины был закруглен, а на верхнем прямом имелись по три отверстия для пришивания к кожаной или матерчатой основе.

Подобная форма пластин и расположение отверстий для пришивания указывают, что конструкция металлических чешуйчатых панцирей повторяла конструкцию старых кожаных или матерчатых панцирей с пуговицами и дисками, но была более совершенной. Усовершенствованию конструкции панциря способствовали не только форма, но и разная величина пластин—крупные защищали мало-подвижные части тела — грудь, живот, а малые — плечи и руки.

Вероятно в подобный панцирь одет колесничный, изображенный на урартском бронзовом поясе из погребения № 4 в Мецаморе¹⁶⁸. Этот чешуйчатый панцирь (табл. XXIV, рис. 3), пластины которого хорошо видны на изображении, сильно отличается от кармирблурских. Судя по сохранившимся фрагментам, кармирблурские панцири были более короткими и легкими, что обеспечивало значительную свободу действий. Панцирь воина на мецаморском поясе доходил ему почти до колен и был похож на ассирийские панцири IX—VIII вв. до н. э.

Некоторые из железных панцирей, найденных в помещениях 38, 40 и «А» Тейшебаини, абсолютно тождественны скифским доспехам этого типа. Ранние скифские панцири конца VII—VI вв. до н. э. составлялись из бронзовых пластин, имеющих два или три отверстия для пришивания к основе (Жаботино, Смелы). Наряду с бронзовыми панцирями у скифов были широко распространены и железные, которые с V в. до н. э. становятся основным типом. Вероятно на развитие скифских панцирей оказали большое влияние урартские панцири¹⁶⁹.

Железный панцирь этого же типа VIII в. до н. э. обнаружен при раскопках дома № 3 Аргиштихинили. Его пластины имели характерное продольное рельефное ребро и концевые отверстия, через которые продевались металлические нити скрепления. А. А. Мартиросян, опубликовавший этот панцирь, предполагает, что этот дорогостоящий доспех, доступный только высшим чинам ассирийской

¹⁶⁷ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. III, с. 35—36.

¹⁶⁸ Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С. Мецамор. Ереван, 1973, рис. 17.

¹⁶⁹ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. III, с. 30; Есаян С. А. Защитное вооружение в древней Армении. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1961, II, с. 204; Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 143.

и урартской армии, принадлежал довольно знатному воину местного гарнизона¹⁷⁰.

Более сложный панцирь в почти целом виде был обнаружен в помещении 36 цитадели Тейшебаини (табл. XXIV, рис. 4, табл. VII, рис. 1). Эта находка дает полное представление о расположении пластин-чешуек. Так на местах изгибов были пришиты пластины меньшего размера, чем на малоподвижной поверхности панциря. Все они были украшены розетками, образованными из семи точек. Были обнаружены пластины 9 типов, причем некоторые из них представлены единичными экземплярами. Пластины первого типа самые многочисленные и их следует считать основными (длина 5,2 см, ширина 1,7—1,9 и толщина 0,1 см). В верхней их части на расстоянии 0,5 — 0,7 см от края пробито два маленьких отверстия, смещенных несколько вправо. На средней вертикальной оси пластины немного ниже середины расположено большое отверстие. Другое такое же отверстие находится в нижней закругленной части пластины, но оно смещено влево. Между этими двумя большими отверстиями, у левого края, имеются еще две небольшие дырочки. Количество отверстий на отдельной пластине и сложность их расположения указывают на то, что этот панцирь не состоял из пластин, нашитых на кожаную или матерчатую основу, а представлял собой самостоятельную рубаху из скрепленных между собой металлических чешуек. Б. Б. Пиотровский, опубликовавший этот панцирь, считает его предметом царского вооружения (на сохранившейся бляшке имеется надпись царя Аргишти I), пожертвованного в храм¹⁷¹.

Развивая эту мысль, Е. В. Черненко полагает, что урартские панцири надевались на одежду подобно кольчугам. По его мнению, плотное соединение чешуй между собой по всей плоскости пластины внутри ряда и между рядами лишало доспех его основного достоинства — подвижности. Соединенные таким образом детали превращали гибкий доспех в жесткую и плотную кору и поэтому, возможно, подобные доспехи являлись парадными, церемониальными, пожертвованными в храм¹⁷².

Как видим, на Древнем Востоке чешуйчатые панцири известны с середины II тыс. до н. э., происходят с территории Сирии, Месопотамии, Египта, где они бытуют до VII в. до н. э., хотя и претерпевают при этом ряд конструктивных изменений. Это проявилось, в частности, в изменении способа крепления пластин и укорочения панцирной рубахи, ставшей удобной не только для колесничных, но и в еще большей степени для всадников.

¹⁷⁰ Мартirosян А. А. Аргиштихили. Ереван, 1974, с. 112.

¹⁷¹ Пиотровский Б. Б. Кармир блур, вып. III, с. 32—35.

¹⁷² Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 141—142.

В состав защитного снаряжения входят также бронзовые и кожаные пояса, которые зафиксированы в большом количестве в памятниках Армении и Закавказья. Впервые они появляются в конце эпохи бронзы и бытуют до VII—VI вв. до н. э.

Бронзовые пояса одновременно являются прекрасным памятником древнего искусства, так как на их значительной части выгравированы целые композиционные сцены и отдельные изображения, связанные с культовой символикой, отражавшей духовные представления аборигенов этого региона. Максимальная длина их доходила до 1,3 м. Изготовлены они из тонкой листовой бронзы толщиной в 1—1,5 мм. Для получения такого «проката», необходимого для изготовления не только поясов, но и щитов, шлемов, котлов и т. д. требовались бронзовые листы по крайней мере в 2—3 м², которые, по-видимому отливались на ровных каменных или глиняных плитах с невысокими глиняными бортами. Полученные грубые листы резали на куски необходимого размера и затем деревянными молотками выравнивали, а в случае необходимости и шлифовали¹⁷³.

Бронзовые пояса нашивались на кожаную или войлочную основу, что делало их удобными при ношении и, кроме того, служило дополнительной защитой, смягчая удар от оружия противника. Остатки кожи на поясах найдены в Армении в двух памятниках — Кармир берде¹⁷⁴ и Астхи блуре. Анализ кожи, сохранившейся на орнаментированном астхиблурском поясе, произведенный в центральном кожно-производственном объединении им. С. Шаумяна К. А. Григоряном, показал, что это телячья шкура, обработанная солеванием. Присутствие железа свидетельствует о том, что позднее она подвергалась железному дублению. Судя по строению волокон, возможно было произведено еще и дополнительное растительное дубление, однако последнее остается предположением, так как тониды не сохранились¹⁷⁵.

Еще Жак де Морган при описании поясов, найденных им в ущелье реки Дебед (Лалвар, Ахтала, Мусиери), отметил два способа закрепления поясов: посредством ремешков и специальной пряжки с крючком, вдеваемым в одно из горизонтально расположенных отверстий на другом конце пояса¹⁷⁶. Однако есть и третий способ, четко видный на поясе, найденном О. Хнкияном в селе Ши-

¹⁷³ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, Ереван, 1976, с. 183—184.

¹⁷⁴ Есаян С. А. Ереван (археологический очерк). Ереван, 1969, с. 39.

¹⁷⁵ Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-восточной Армении, с. 20.

¹⁷⁶ J. de Morgan, Указ, соч., рис. 79—81.

кахох Кафанского района Арм. ССР¹⁷⁷. Это узкий, совершенно гладкий пояс, в отличие от всех известных закавказских поясов, имеющий резко суженные концы, один из которых образует выступающую петлю, а второй — загнутый наружу крючок, вдеваемый в указанную петлю.

Вопросами датировки и классификации бронзовых поясов Закавказья занимались многие исследователи. Жак де Морган, один из первых обратившийся к бронзовым поясам Закавказья, делил их на три основных типа: 1) гладкие пояса, не имеющие украшений, которые он считал наиболее древними; 2) пояса, украшенные различными геометрическим орнаментом и 3) широкие пояса, сплошь заполненные геометрическим орнаментом, сценами охоты, изображениями животных и т. д., относимые им к раннему железному веку. Жак де Морган считал, что эти пояса являлись не только культовыми предметами, но и защитным снаряжением, прикрывавшим живот воина, являясь продолжением панциря, наподобие широких поясов массагетов, описанных Геродотом¹⁷⁸.

Рудольф Вирхов, принимая классификацию Ж. де Моргана, не находил какой-либо связи между поясами Северной Армении и Восточного Закавказья. Он подробно останавливался на стилистических особенностях, орнаментальных мотивах и композициях восточнозакавказских поясов¹⁷⁹. Однако чисто искусствоведческий характер подхода к ним, а также разбор мельчайших деталей, не имеющих подчас никакого значения, лишают его работу компактности и не дают возможности использовать ее для научного анализа.

Бронзовым поясам Закавказья посвящена специальная статья Б. В. Фармаковского, который в композициях и деталях их декора находит черты влияния искусства различных областей Древнего Востока и Средиземноморья. Однако, по его мнению, наиболее сильное влияние на развитие гравировального искусства Закавказья оказали хеттские мастера¹⁸⁰.

В сводной работе, посвященной археологии Закавказья, к бронзовым поясам обратился также А. А. Ивановский, считавший, что эти изделия из-за небольшой длины не могли быть поясами, а служили скорее перевязью, проходившей через плечо.

---

¹⁷⁷ Хикикян О. Раскопки в селах Тапдзавор и Шикахох. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1975, № 2, табл. IV, рис. 4.

¹⁷⁸ J. de Morgan, Указ. соч., с. 114—115; Геродот. История (перевод Ф. Г. Мищенко). М., 1888, с. 170.

¹⁷⁹ Virchow R. Über die Kulturgeschichte des Kaukasus und Transkaukasien. Berlin, 1895, с. 15—16.

¹⁸⁰ Фармаковский Б. В. Археологический период в России. Материалы по археологии России. Петербург, 1912, с. 44—45.

По-видимому сознавая необедительность своей концепции, А. А. Ивановский все же условно называет их поясами и принимает деление Р. Вирхова. Однако он считает, что пояса с изображениями различных сцен неправомерно объединять в одну группу, поскольку они не связаны общими чертами и каждый из них выступает самостоятельно, отражая творческую индивидуальность создавшего его мастера¹⁸¹.

Б. А. Куфтин в основном придерживается концепции Р. Вирхова и полагает, что лалварские и целкинские пояса близки к кобанским образцам и отличаются от восточнозакавказских¹⁸².

Большой вклад в изучение закавказских и урартских бронзовых поясов внесли работы Б. Б. Пиотровского, который полагает, что пояса, изготовленные из тонкой бронзовой пластины, нашитой на кожаную или войлочную основу, были на Древнем Востоке обязательной принадлежностью снаряжений воинов-лучников и заменяли им щит. Помимо своей основной защитной функции пояс выполнял и другую — культовую. По словам Б. Б. Пиотровского, «опоясывание», заключение себя в круг, было магическим средством защиты от злых сил, что хорошо иллюстрируется этнографическими примерами¹⁸³.

Б. Б. Пиотровский отмечает также, что обряды сохраняют в себе связь с астральными представлениями. Лингвистический материал также подчеркивает связь пояса с небом (небо—круг—пояс). Так, новоармянский термин «qamaḡ» — пояс по семантической линии соответствует древнеармянскому «kamaḡ» — свод, арка и персидскому «qamaḡ», «qamaḡand» — пояс, свод, луч, праща, а также грузинскому «qved» — пояс, радуга, небесный свод¹⁸⁴. Подобной точки зрения придерживался и Р. Гиршман¹⁸⁵. К. Х. Кушнарева в свободной работе, посвященной культуре Нагорного Карабаха, в связи с изучением ходжалинских поясов, произвела тщательный экскурс в историю, а также подвергла анализу композиционные рисунки восточнозакавказских поясов. Вслед за Ж. де Морганом она считает, что бронзовые пояса были продолжением панциря, являясь составной частью доспеха¹⁸⁶.

Короткую, но четкую характеристику закавказским поясам дал

---

¹⁸¹ Ивановский А. А. По Закавказью. Материалы по археологии Кавказа, VI. М., 1911, с. 110—112.

¹⁸² Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 51.

¹⁸³ Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту, с. 73.

¹⁸⁴ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949, с. 95.

¹⁸⁵ Chirshman R. Iran, Protoiraner, Meger, Achämeniden, München, 1964, с. 112.

¹⁸⁶ Кушнарева К. Х. Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III тыс. — середина I тыс. до н. э.), канд. дисс. Л., 1951,

А. А. Мартиросян, считавший, что бронзовые пояса, встречающиеся в могильниках Закавказья, относятся безусловно к военному снаряжению, но военно-защитная их значимость сходит совершенно на второй план при первом же ознакомлении с изображениями на них и поэтому большая часть исследователей считала их культовыми предметами. Он справедливо считал, что эти пояса, отражая религиозно-культовые представления близких по культуре племен, хорошо иллюстрируют связи между этими племенами, иногда на чрезвычайно больших пространствах¹⁸⁷.

Сравнивая спиралевидный орнамент из Хртаноца (близ гор. Дилижана) с аналогичным орнаментом поясов из Триалети и Северной Осетии, он заключает, что этот мотив характерен для культуры всего Кавказа.

Большая работа по изучению орнаментированных поясов Армении проделана А. Р. Исраелян. Их композиции рассматриваются ею в связи с аналогичными мотивами на расписной керамике, статуях вишапов (каменные изваяния в виде рыб), бронзовых и каменных антропоморфных статуях, пекторалях и т. п., с привлечением материалов армянской этнографии и фольклора. Она классифицирует имеющиеся на них изображения по их символике, выделяя изображения, связанные с космологическими представлениями, культом солнца и других небесных светил, громом, молнией, охотничьими сценами и культом плодородия.

Вопросами датировки, культов, искусства Закавказских поясов, кроме указанных авторов, занимались также Дж. А. Халилов, Б. В. Техов, Н. Е. Урушадзе, М. Ш. Хидашели и другие, но так как они не упоминали пояса как защитное снаряжение, то их работы здесь не анализируются.

Вопросами изучения бронзовых поясов Армении занимался также автор настоящей книги. В одной из своих ранних работ я пришел к выводу, что значительная часть орнаментированных поясов (Лчашен, Степанаван, Карабах и др.) имеют ритуальное значение. Однако все они в основном играли роль защитного снаряжения, прикрывавшего живот воина¹⁸⁸.

Новые находки предметов искусства подтвердили, что пояса служили продолжением панциря или самостоятельным защитным снаряжением, а не заменяли щит лучникам. Так атрибутами многих бронзовых статуэток воинов начала I тыс. до н. э. являются копье,

---

¹⁸⁷ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 136—140.

¹⁸⁸ Есаян С. А. Защитное вооружение в древней Армении. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1962, № 1, с. 204—205.

кинжал, щит и пояс¹⁸⁹. Урартские воины царя Арама (IX в. до н. э.) на Балаватских воротах изображены в шлемах с гребнем, небольшими круглыми щитами и поясами¹⁹⁰.

Кроме публикации многих поясов, найденных в погребениях вождей местных племен и урартских поясов, найденных на территории Советской Армении, мною составлен полный свод всех поясов Армении¹⁹¹.

По своему типу бронзовые пояса Армении делятся на два типа: широкие и узкие.

Широкие бронзовые пояса (ширина 10 и более см, длина 80—130 см), как правило, орнаментированы. Изредка встречается геометрический орнамент в виде точечных линий и многочисленных спиралей. На остальных широких поясах изображены, главным образом, батальные и культовые сцены, сцены охоты, а также символы плодородия и космические сцены, в которых действующими лицами являются пешие и конные воины, колесничные, женские фигуры, различные животные, птицы и фантастические существа. Эти изображения, имея магическое значение, должны были способствовать успеху во время сражений, удаче в охоте и т. п. Фантастические существа, изображенные на поясах, должны были также вызывать суеверный страх у противника и в то же время — защищать их владельцев от злых сил.

Узкие пояса (шириной 4—10 см), как правило, были гладкими, лишенными какой-либо орнаментации. Иногда на них встречается простой геометрический орнамент в виде коротких штрихов, перекрещивающихся линий и точек. Лишь на одном урартском поясе из Зода имеются изображения фантастических антропоморфных существ, фигур львов и коней, а на двух других поясах из Ахвесадзора и Бджни (табл. XI, рис. 5) — изображения львов.

Длина таких поясов — 50—70 см, но чаще 65—68 см. Это свидетельствует о том, что их не могли носить взрослые воины. По стандартам¹⁹² подобная длина соответствует длине окружности талии детей 12—15-летнего возраста. По-видимому, в боевых действиях дружин Закавказья (аналогичные пояса известны не только в Армении, но и в Грузии и Азербайджане) принимали участие и дети вождей (дети простых воинов не могли носить такие дорогие пояса), обучаясь навыкам и приемам ведения боя.

---

¹⁸⁹ Есаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980, табл. 56, рис. 2, 7.

¹⁹⁰ Пнотровский Б. Б. Искусство Урарту, 1962, рис. 7.

¹⁹¹ Работа «Бронзовые пояса древней Армении» находится в печати в Бопском институте археологии (ФРГ).

¹⁹² Эти стандарты были указаны гл. инженером Ереванского произв. объединения им. К. Цеткин Г. С. Гаспаровым.

Количественное соотношение находок узких и широких поясов соответствует 4:1. Так из найденных в Армении около 200 целых и фрагментированных поясов — 150 узкие. Это указывает на то, что молодые неопытные воины погибали гораздо чаще, чем умудренные опытом воины зрелого и даже пожилого возраста.

ПЕКТОРАЛИ

Кожаные панцири, зачастую укрепленные различными металлическими и деревянными дисками, бляхами, пуговицами и т. д. имели также другие составные части. Речь идет о сплошных металлических пластинах-пекторалях, расположенных в верхней нагрудной части доспеха, хорошо известных в Передней Азии и в различных памятниках Армении и Закавказья. Хотя в самой Армении доурартского периода пекторалей не найдено, их изображения сохранились на некоторых бронзовых поясах, в частности, на поясе из знаменитого Ходжалинского кургана, датируемом XI—IX вв. до н. э. Так, на одном из фрагментов этого пояса изображен поверженный навзничь человек и нападающее на него животное, по-видимому, грифон. Упавший человек в правой руке держит длинный изогнутый меч, которым старается поразить зверя. Рисунок дает возможность восстановить облик и детали воинского облачения: голову его покрывает шлем с гребнем, шею и грудь защищает так называемый «панцирный ворот» (пектораль), состоящий из бронзовых полос, нашивавшихся, очевидно, на кожаную или тканевую основу. Нижнюю часть груди и живот закрывает широкий, по-видимому, металлический пояс, наподобие того, на котором он изображен.

В последние годы бронзовые пекторали найдены в центральных районах Урарту. Один из них, хранящийся в Мюнхенском музее, имеет высоту 8,1 см и расстояние между верхними краями 10,5 см. Он представляет пластину в виде полулуния со «срезанными» прямыми концами, на которых и в центре нижней стороны проделаны по два сквозных отверстия для пришивания к кожаной основе. По краям и в центре для прочности пекторали проведены выпуклые линии, нанесенные с внутренней стороны¹⁹³ (табл. VII, рис. 1).

Вторая пектораль, хранящаяся в музее Лес Аска, имеет такую же форму, но концы полулуния узкие и свернуты петлями для стягивания на шею. Различна также внешняя орнаментика. Она украшена трехрядным орнаментом розеток и фасным изображением человека в центре, с четко отмеченными круглыми глазами, соединен-

---

¹⁹³ Кушнарева К. Х. Ходжалинский могильник. Историко-филологический журнал, 1970, № 3, с. 119, рис. 1.

ными бровями и прямым носом. Высота 17 см, расстояние между концами 18,2 см¹⁹⁴ (табл. VII, рис. 2).

Металлические панцирные ворота подковообразной формы известны из ряда других памятников Закавказья и Северного Кавказа VIII—VI вв. до н. э. Так, массивная орнаментированная бронзовая пластина, украшенная концентрическими кругами и изображениями фигур извивающихся змей, происходит из Эшеры (Абхазия)¹⁹⁵ и клада в Бештау (Пятигорск)¹⁹⁶. Последняя украшена концентрическими кругами, оконтуренными кружковым орнаментом.

По мнению Б. А. Куфтина, эшерская пластина являлась частью «бронзового культового облачения». Однако, как правильно полагает А. А. Иессен, а вслед за ним Е. В. Черненко¹⁹⁷, они имели не специально культовое назначение, а были украшением или укреплением одежды мужчины-воина, может быть, кожаного панциря. Аналогичная бронзовая орнаментированная пластина происходит также из Луристана, которую Р. Гиршман датирует VIII—VII вв. до н. э.¹⁹⁸

---

¹⁹⁴ Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Указ. соч., рис. 87.

¹⁹⁵ Там же, рис. 88.

¹⁹⁶ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, с. 164—166, рис. 31.

¹⁹⁷ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 124—126, рис. 13; Черненко Е. В. ук. соч., с. 126.

¹⁹⁸ Chirshman R., указ. соч., с. 303, рис. 380.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, доспех воинов древней Армении состоял из щита, панциря, пояса, пекторали, шлема и налобной пластины. Как видно из вышеизложенного анализа материалов, основная масса воинов использовали кожаный доспех, а более состоятельные воины и племенная знать к указанным изделиям пришивали различные металлические диски, бляхи, пуговицы или различной формы чешуйчатые панцири. Последние в отдельных случаях не нашивались на мягкую основу, а посредством сложного крепления составляли самостоятельный панцирь, надеваемый поверх матерчатого кафтана.

Нашитые на части доспеха (щиты, панцири, пекторали и т. д.) металлические части являлись не только украшением доспеха, но и придавали им значительную крепость. Часть предметов защитного снаряжения, в частности, пояса, шлемы и щиты, украшенные гравированными и чеканными изображениями хищников, фантастических животных и ритуальных сцен, кроме защитного назначения имели также и ритуальное, вызывая мистический страх у противника и оберегая их хозяев от злых сил.

Анализ предметов защитного снаряжения древней Армении позволяет утверждать, что ранние образцы доспеха появляются в развитом виде. Это обстоятельство наталкивает на мысль, что должны были существовать их прототипы (возможно, кожаные), не зафиксированные еще раскопками. Можно также предположить, что племена Армянского нагорья, находившиеся в непосредственной близости от могущественных переднеазиатских стран, могли воспринимать у них готовые формы, особенно сложного доспеха. Об этом свидетельствуют формы ранних щитов и шлемов, которые в ранний период были очень близки к хеттским, а в более позднюю эпоху — к ассирийским. Об этом же свидетельствует широкое появление в эпоху поздней бронзы различной формы конских удиц, которые не имели в Армении своих прототипов, хотя часть их была хорошо известна на Древнем Востоке задолго до появления в Армении. Их появление хотя и не связано непосредственно с доспехом, но прекрасно иллюстрирует общее развитие военного дела и конницы в частности. Однако нельзя говорить, что племена древней Армении ме-

ханнически перенимали древневосточные формы. Это восприятие форм древневосточных изделий племенами древней Армении свидетельствует лишь об интенсивной связи и обмене между племенами Армении с соседними странами. Находясь между Западом и Востоком, Армения еще с глубокой древности являлась связующим звеном между Персией, Малой Азией и Кавказом.

Последние находки свидетельствуют, что кроме традиционных связей со Средиземноморьем, Северным Кавказом, Ираном и огромным влиянием месопотамской культуры изделия из Армении проникали также глубоко на юг. Так в 1970 г. у города Акки (на границе Сирии и Палестины в погребениях «торговцев-воинов» вместе с египетскими, кипрскими, микенскими и хеттскими изделиями, датированными XIV в. до н. э., оказались также бронзовые вилы-трезубец и кинжал с рукояткой, имевшей деревянную накладку. Эти бронзовые изделия находят широкую аналогию в памятниках Армении и Закавказья, в частности в комплексе изделий из Лчашена, свидетельствующих о связях с хуритской культурой. Об этом же свидетельствует найденная в Акке митанийская печать, которая близка к найденной в Лчашене аналогичной печати¹⁹⁸.

Эти связи значительно упрочились после образования урартского государства. Урарты не только не отрезали вошедшие в его состав племена древней Армении от ассиро-вавилонской культуры, но наоборот, способствовали ее влиянию и широкому распространению как здесь, так и на Севере, за Кавказским хребтом.

Результатом этого является не только наличие замечательных изделий во многих памятниках Армении и Закавказья. Новые, как и давно известные материалы четко показывают, что урартские, как и закавказские, изделия проникают далеко на север до Киева, в Персию и Средиземноморье, доходя до Италии.

Как видим, Армения способствовала распространению замечательных изделий из крупных древневосточных стран на север, в области Закавказья и Северного Кавказа, а предметы из различных районов Закавказья и Северного Кавказа, поступавшие в Армению, распространялись по Малой Азии, Северной Месопотамии и Западно-Иранскому плоскогорью, способствуя не только товарообмену, но и взаимному проникновению идеологических и культурных представлений разных племен на весьма значительные расстояния.

---

¹⁹⁸ **Пиотровский Б. Б.** Об иноземных предметах в гробнице Тутанхамона, в кн. Тутанхамон и его время. М., 1976, с. 11.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абхазия 32, 56
Агавнадзор 9, 43
Адахуни—31
Адана 14, 27, 32
Аддури 12
Азатаван 41
Азербайджан 54
Азербайджанская ССР 42, 44
Айрум 11, 13, 17, 23
Айгедзор 42
Акки 58
Акпер 35
Алалах 47, 50
Алароды 22
Анберд 9
Аргадзор 32
Аргиштхинили 48
Арзашку 12
Аркукив 31
Армения 4, 5, 7—9, 11, 17—19, 21, 22, 25, 34, 35, 37, 38, 41, 42, 46, 47, 50, 53
Армянская ССР 36, 37, 41—43, 46, 51
Армянское нагорье 3, 4, 6, 10, 21, 22, 25, 36, 46, 57
Армяне
Арин берд См. Эребуни
Артик 34, 35, 40
Астхадзор 37
Астхи блур 7, 35, 50
Ассирийцы 23
Ахвесаадзор 54
Ахтала 50
Арцваберд 41
Арцваник 24, 33, 37
Базель 14, 17
Балават 12, 17, 22, 54
Бджни 54
Бедени 4
Беркабер 4
Бедени 4
Берлинский музей 32
Бешташен 32
Бештау 56
Бит-Буритани 6, 7
Бит-Замани 7
Богазкой 18, 47
Ван 14, 33
Ванское царство 16, 17
Верхний Заб 13
Верхняя Рутка 32
Восток 4, 58
Восточное Закавказье 51, 52
Восточная Турция 17
Гадрекиле 47
Галиат 31
Гарни 34
Гегарот 4, 35
Геташен 42
Гиемли 30, 33
Головино 42
Грузия 54
Гюлдиг-Даг 43
Дашкесапский р-он 42
Даяни 12

- Дебед 50
 Джархеч 36
 Дилижап 41, 53
 Долаплар 38, 43
 Древний Восток 4, 27, 34, 46, 49, 51,
 52, 57

 Европа 17, 30
 Египет 49
 Еленендорф 3, 8, 44
 Ереван 4, 25
 Ереванская губерния 46
 Евфрат 4

 Жаботинск 48

 Закавказье 4, 32, 36, 38, 41, 43, 47,
 50, 53, 55, 56
 Запад 4, 58
 Западная Армения 27
 Зепджирли 17
 Зикирту 13
 Зод 54
 Золакар 37

 Иджеванский р-он 42
 Имгур-бел 12
 Инд 4
 Иран 25, 58
 Иранское плоскогорье 58
 Италия 58

 Кабала 38
 Кабардинский парк 38
 Кадеш 21
 Кавказ 53, 58
 Калакент 38
 Кальху 13
 Камнив 31
 Камо 37, 44, 46
 Кармир берд 41, 50
 Кармир блур 13—16, 25, 29, 31—33
 Кармир ванк 38
 Кархемиш 19
 Кафацкий р-он 36, 37, 51
 Кахетия 47

 Кахси 4
 Каялидере 13, 14, 27, 32, 33, 44
 Квацхелеби 4
 Квацхела 36
 Кедабек 38, 43
 Киев 58
 Кири см Арцваберд 41
 Кировабад 42
 Кировакан 34, 35
 Кобан 52
 Колхи 22
 Куалбани 31
 Куйбышев 35
 Кущи 38
 Кюль-тепе 4

 Лалвар 50, 52
 Ленипакан 4
 Лори Берд 20, 21, 38, 40, 43
 Луристан 26, 29
 Лусадзор 42, 56
 Лчашен 18—21, 27, 35, 40, 44, 53, 58

 Магаро 47
 Маида 21
 Малоазийский Тавр 7
 Малая Азия 21, 58
 Малатия 20
 Мартунинский р-он 37
 Мараш 21
 Меградзор 41
 Мегидо 47
 Менз 17, 23, 28
 Меташши—13
 Месопотамия 49
 Мецамор 32, 48
 Мингечаур 38
 Мичип Арт 36
 Муциери 50
 Мусасир 13, 44
 Мюнхен 14, 26, 29, 55

 Нагорный Карабах 52, 53
 Нальчик 38
 Нахичевань 3
 Нижний заб. 13

- Нил 4
 Нишевия 12
 Ноемберян 4, 10
 Норашен 11
 Нор-Ареш 14, 25, 32
 Н. Адиаман 38
 Нор-Баязет 37, 46, 47
 Норатус 38
 Нузи 47
- Окс 4
 Олимп 21
- Палестина 58
 Параванское озеро 4
 Паравакар 11, 13, 17, 23, 24
 Передняя Азия 3, 4, 19, 31, 55
 Персеполь 34
 Персия 58
 Приморское 32
 Пятигорск 56
- Разданский р-он 9, 43
 Рас-Шамра 47
 Редкин лагерь 34, 35, 38, 41
- Садко 32
 Сала 21
 Саказ 21
 Сасун 7
 Сачхери 4
 Сасперы 22
 Сафар Хараба 32
 Сарухан 44
 Севанский бассейн 4, 37, 38
 Северо-восточная Африка 3
 Северо-восточный Иран 29
 Северо-западный Иран 17, 29
 Северная Армения 51
 Северный Кавказ 31, 32, 38, 56, 58
 Северная Месопотамия 58
 Северное Причерноморье 38
 Северная Осетия 53
 Смела 48
 Скефы 48
 Сирия 49, 58
- Средиземноморье 51, 58
 Степанаван 5, 10, 53
 Степанакерт 4
 Старый Свет 4
- Тапдзавер 36
 Таркинский могильник 38
 Тейшебаини 9, 14, 16, 47—49
 Тепе-Гиссар 36
 Термани 31
 Терская область 32
 Тигр 4, 7
 Тлийский могильник 36
 Толстая могила 39
 Токно 30
 Топрах кале 13, 15, 16
 Триалети 32, 53
 Троя 47
 Туманян 35
 Турция 25
 Тушпа 23
- Ур 36
 Урарту 7, 8, 12—14, 17, 23, 27, 30, 33,
 44, 46, 55
 Уауси 13
 Урарты 12, 23, 58
 Ухуни 31
 Ушкиани 31
- Фаскау 31, 32
 Фивы 32
 Франция 14, 27, 44
- Хачбулаг 38
 Хаченагет 4
 Хеммува 21
 Хождалы 52, 55
 Хртаноц 53
 Хурджин Хогер 41
- Цалка 52
 Центральный Кавказ 38
 Цители-Гореби 47

Човдар 38

Чога-Зенбила 47

Шамшадинский р-он 11, 41, 42

Швейцария 46

Шейтан-даг 93

Шенгавит 4

Ширакаван 21

Шикахох 36, 37, 50

Шуприя 7

Элар 34, 41

Эребуни 14, 22, 23, 27

Эссен 26

Эшера 56

Эшума 31

Япония 30

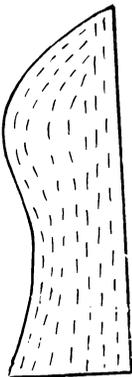
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Табл. I.** рис. 1 Щит из Носемберяна
рис. 2 Щит из Степанавана
рис. 3, 6, 7 Щиты из Паравакара
рис. 4, 5 Щиты из Айрума
рис. 8 Щит воинов Араму
рис. 9, 10 Щиты из Кармир блура
- Табл. II.** рис. 1, 2, 4, 7 Бронзовые статуэтки воинов. Паравакар.
рис. 3, 6 Бронзовые статуэтки воинов. Айрум.
рис. 5 Бронзовая статуэтка воина. Норашен.
- Табл. III.** Бронзовый щит с надписью Аргишти I. Кармир блур.
- Табл. IV.** Бронзовый щит с надписью Сардури II. Кармир блур.
- Табл. V.** Бронзовый щит с надписью Русы сына Эримены. Топрах кале.
- Табл. VI.** Бронзовый диск из центральных районов Урарту.
- Табл. VII.** рис. 1, 2. Бронзовые пекторали из центральных районов Урарту.
рис. 3. Бронзовый щит из центральных районов Урарту.
рис. 4 Бронзовый пластинчатый панцирь. Кармир блур.
- Табл. VIII.** Бронзовые умбоны. Кармир блур.
- Табл. IX.** рис. 1—4 Бронзовые шлемы Лчашена.
рис. 5 Бронзовый шлем Лори Берда.
рис. 6 Бронзовый шлем Ширакаван.
рис. 7—8 Шлемы воинов царя Арама. Балават
рис. 9 Шлем на фреске из Эрбуни.
рис. 10—12 Бронзовые шлемы. Паравакар.
рис. 13—14 Бронзовые шлемы. Айрум.
рис. 15—17 Бронзовые шлемы. Арцваник.
рис. 18—20 Бронзовые шлемы из Кармир блура.
- Табл. X.** Модель боевой колесницы. Лчашен.
- Табл. XI.** Модель боевой колесницы. Лори Берд.
- Табл. XII.** Бронзовые статуэтки. Арцваник.
- Табл. XIII.** рис. 1—3, 5—9, 12 Бронзовые шлемы из центральных и восточных районов Урарту.
рис. 4 Бронзовый шлем из Рутхи.
рис. 10—11 Железные шлемы из центральных районов Урарту.
- Табл. XIV.** Бронзовый шлем из центральных районов Урарту.
- Табл. XV.** Бронзовый шлем из Гиемли.

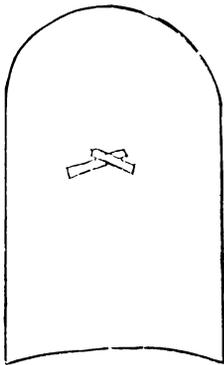
- Табл. XVI.** Бронзовый шлем из Кармир блура.
- Табл. XVII.** Бронзовый шлем из центральных районов Урарту.
- Табл. XVIII.** Бронзовый шлем из Кармир блура.
- Табл. XIX.** Бронзовый шлем из Кармир блура.
- Табл. XX.** рис. 1, 3 Бронзовые шлемы из Кармир блура.
рис. 2 Железный шлем из Кармир блура.
рис. 4 Бронзовый умбои из центральных районов Урарту.
рис. 5. Бронзовый шлем из Гиемли.
рис. 6 Бронзовый умбои из Кармир блура.
- Табл. XXI.** Бронзовые налобные пластины
рис. 1 Артик
рис. 2 Гегарот
рис. 3 Шикахох
рис. 4 Тандзавер
рис. 5. Шикахох (случ. находка)
рис. 6 Арцавапик
рис. 7 Нор-Баязет
- Табл. XXII.** Реконструкция панцирей
рис. 1, 4 Артик
рис. 2 Хурджиш Хогер
рис. 3 Дилижан
- Табл. XXIII.** Реконструкция панцирей
рис. 1 Лусадзор
рис. 2 Айгедзор
рис. 3 Кировабад
рис. 4 Еленендорф
рис. 5 Лчашен
- Табл. XXIV.** Реконструкция панцирей
рис. 1 Нор-Баязет
рис. 2 Головино
рис. 3 Мецамор
рис. 4, 5 Кармир блур

1

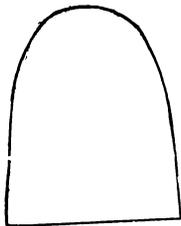

2

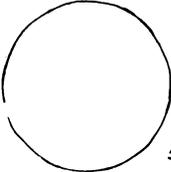

3

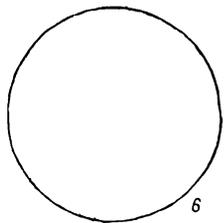
0 10 20 30

4

5

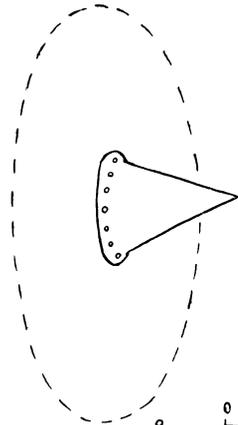
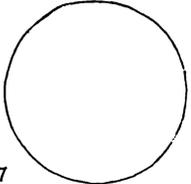
6

0 5 10 15

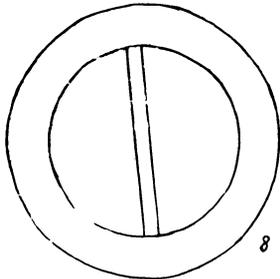

7

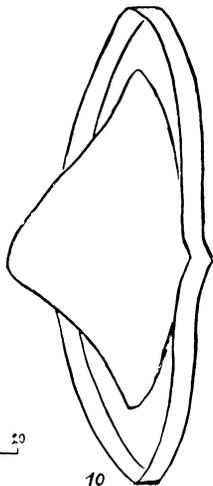

9

0 10 20

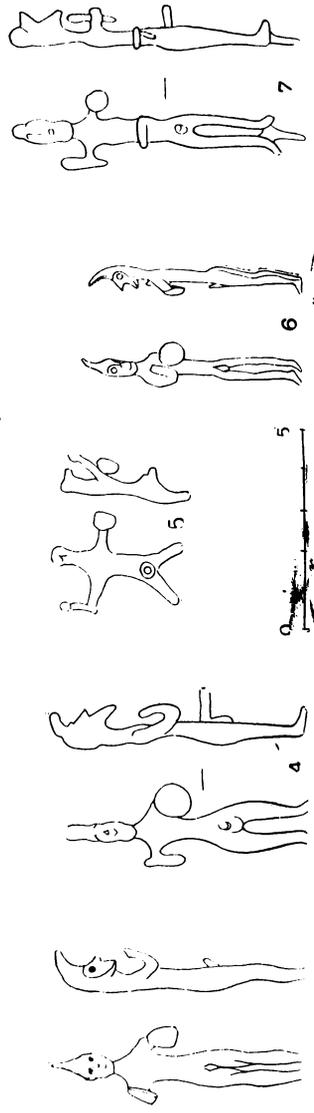
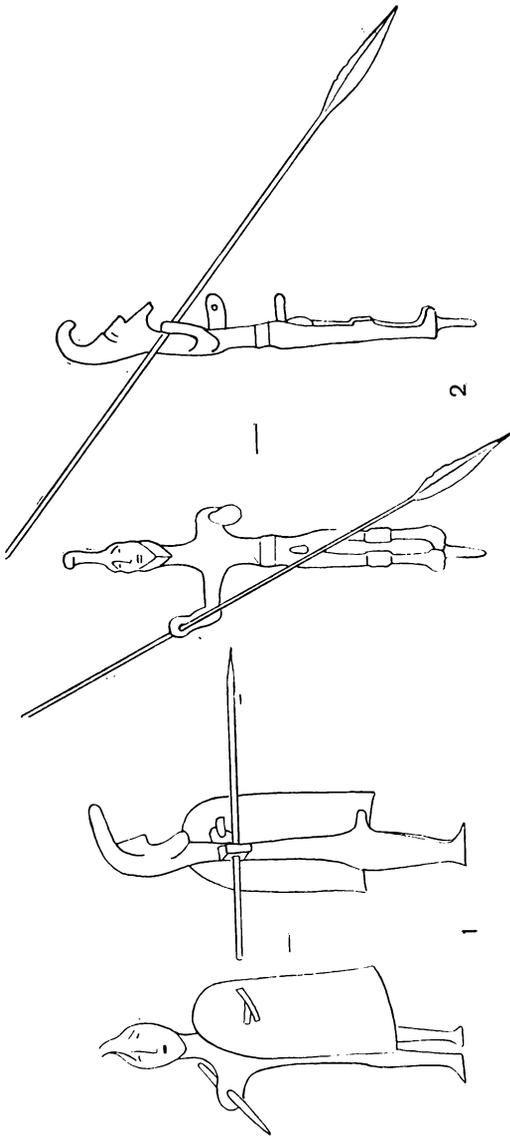

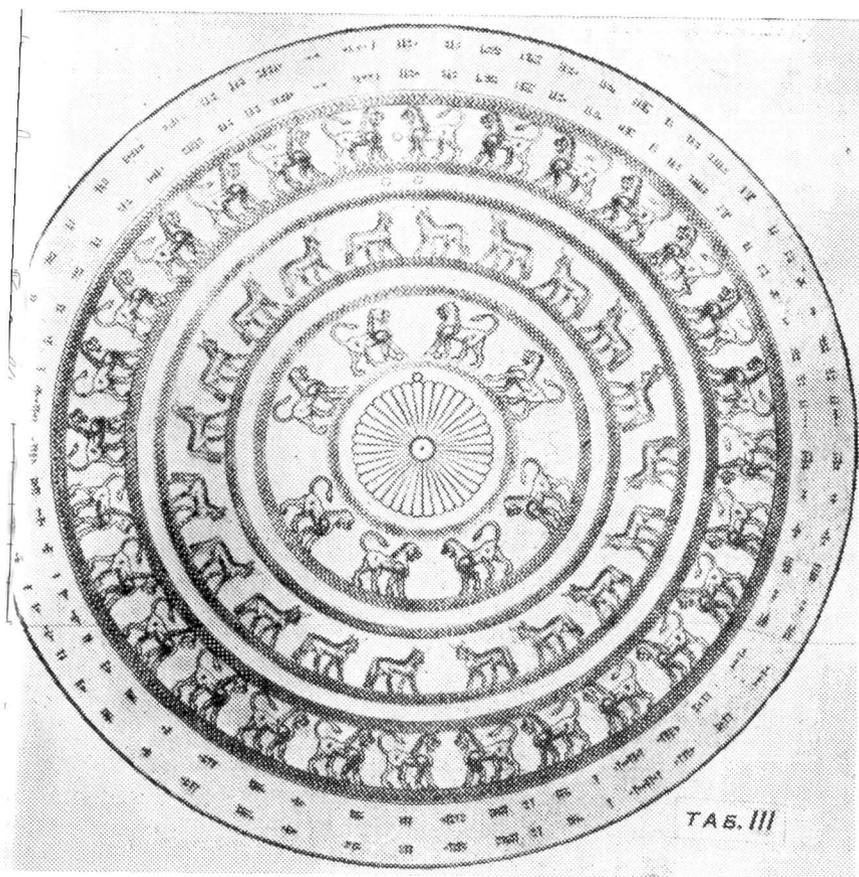
8

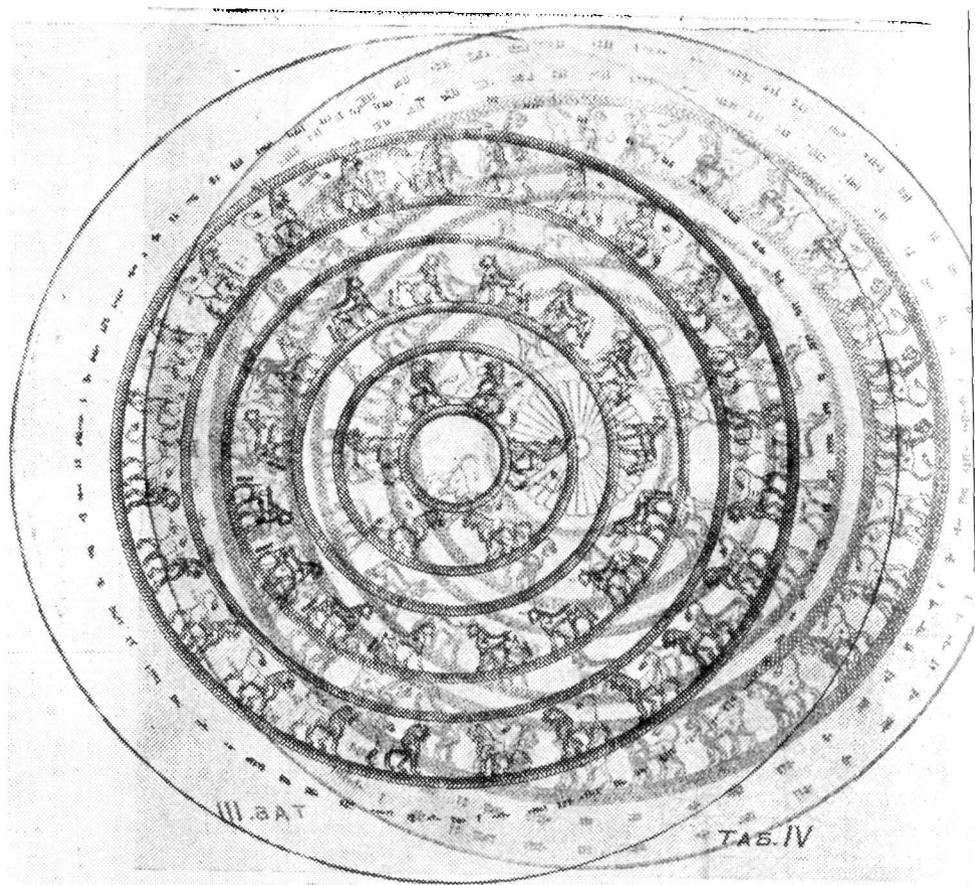
10

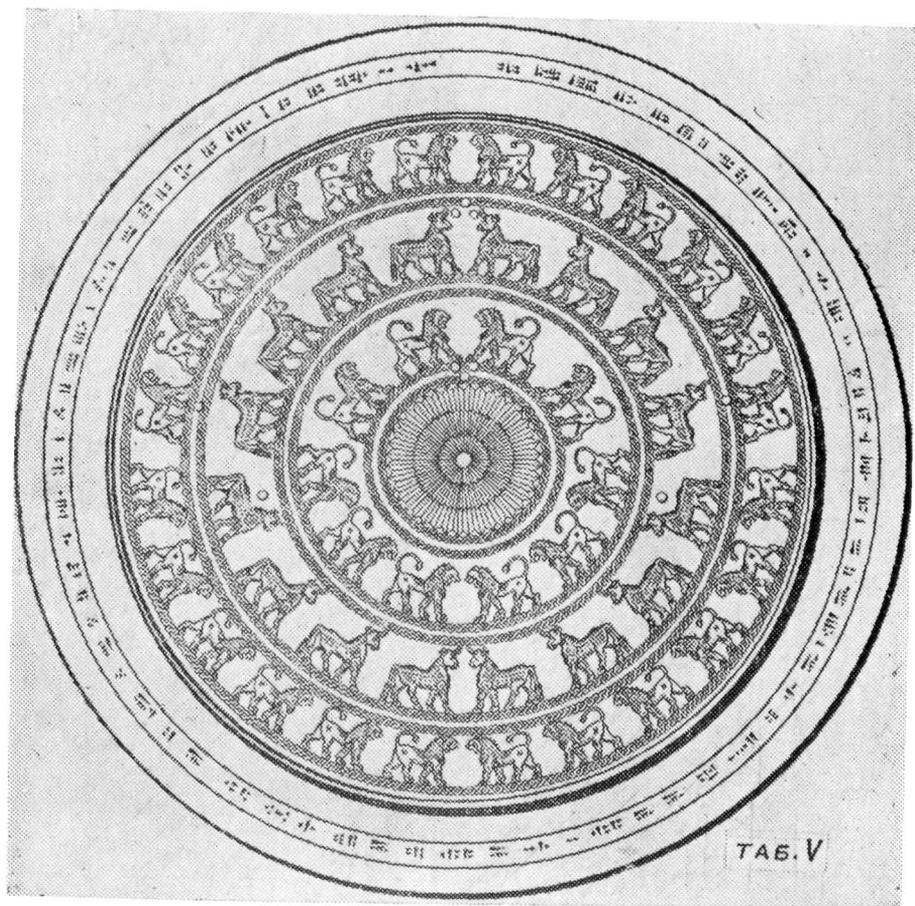
ТАБ. I

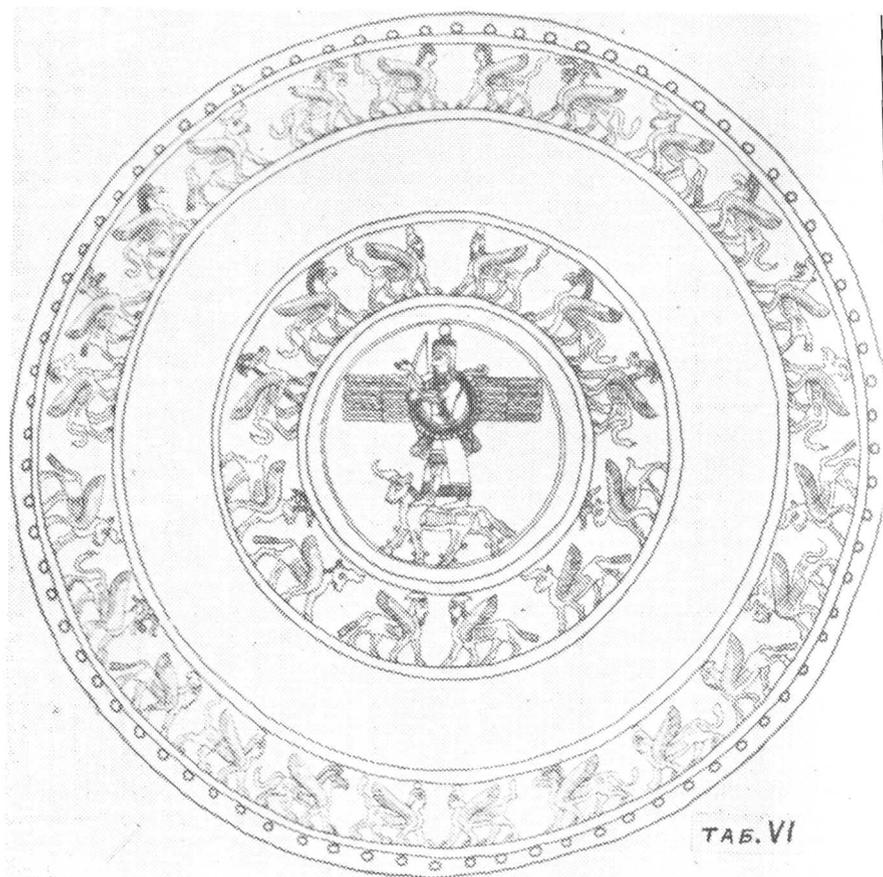

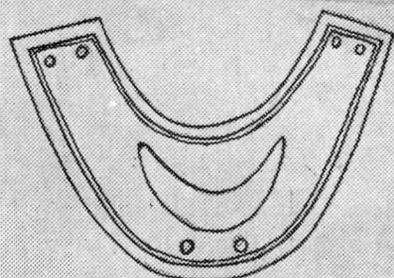
ТАБ. III

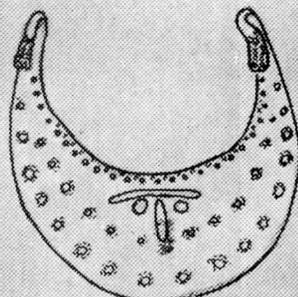

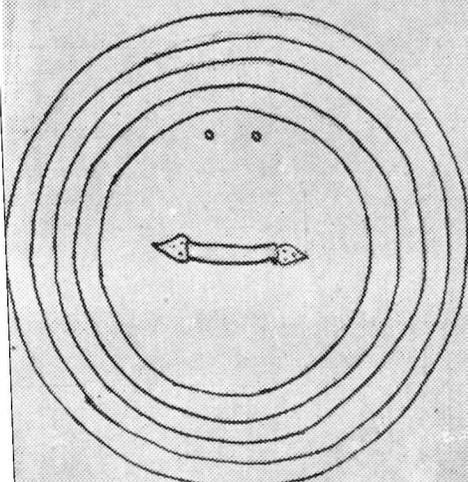
ТАБ. VI

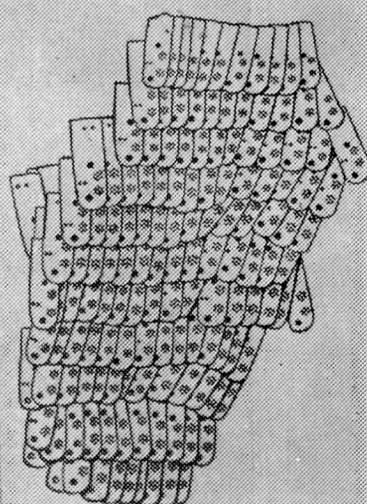
1

2

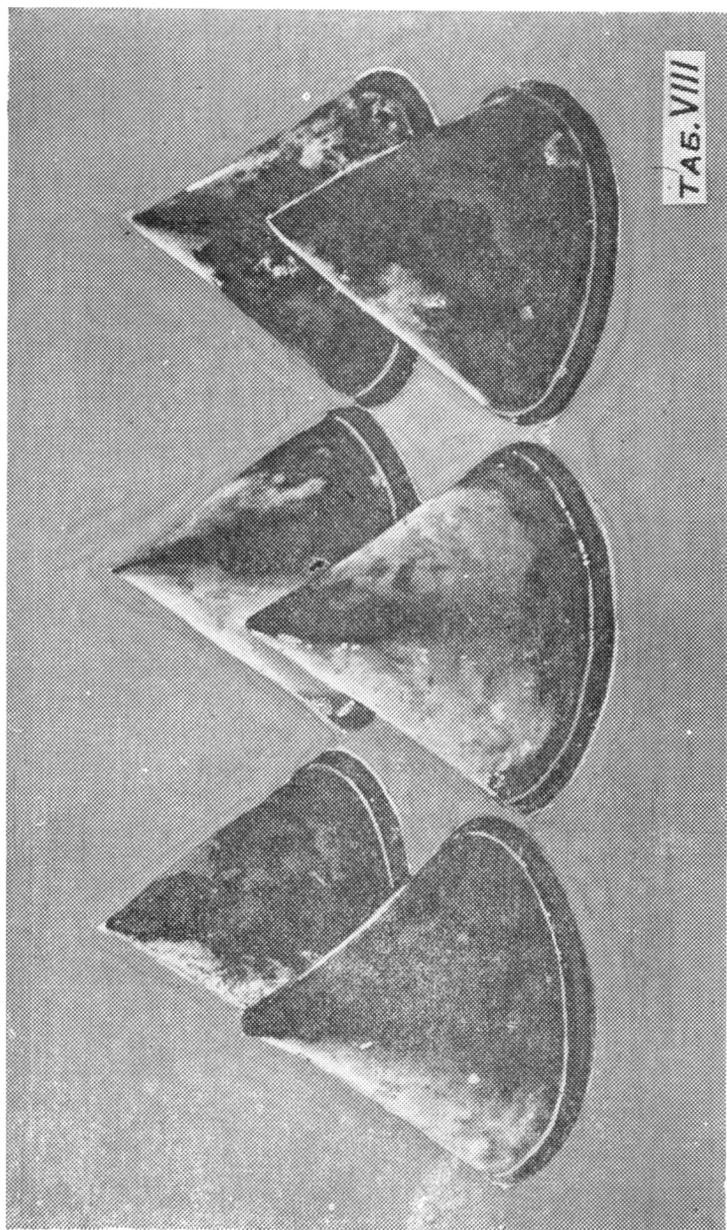

3

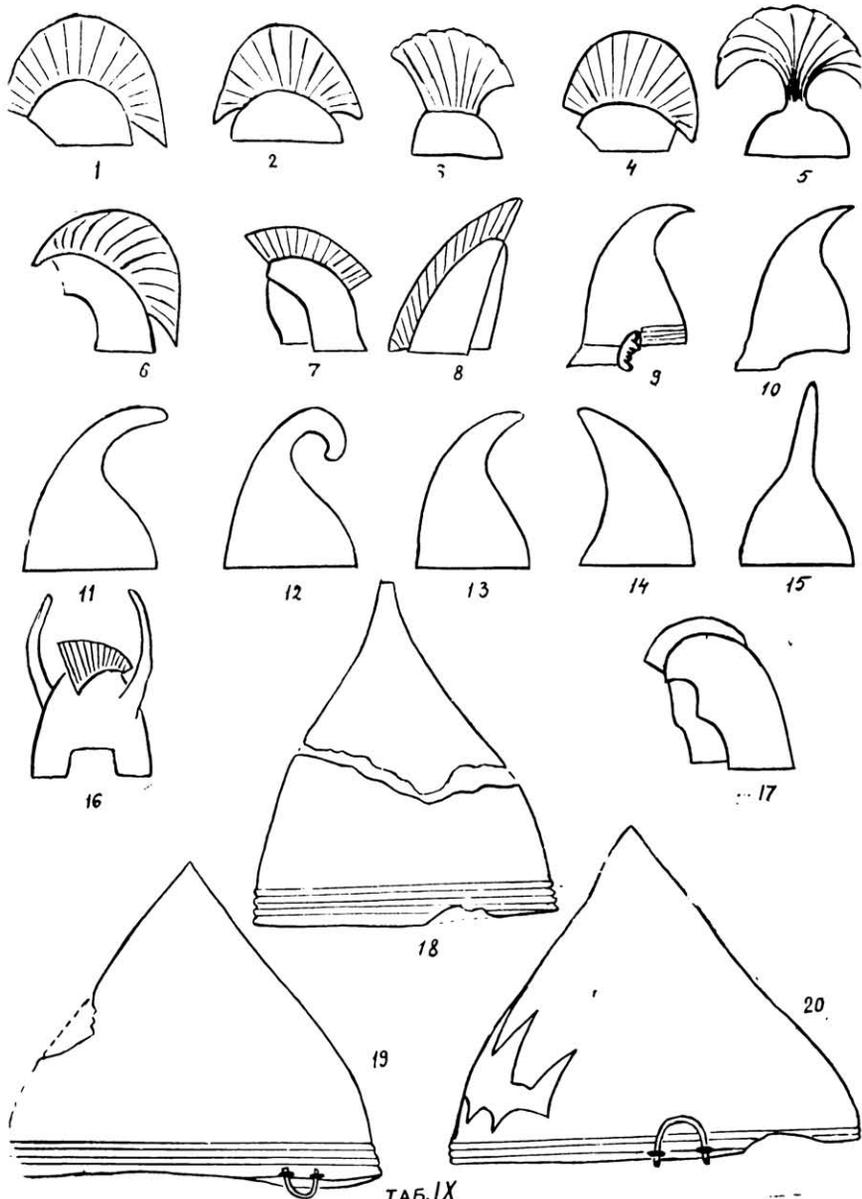

4

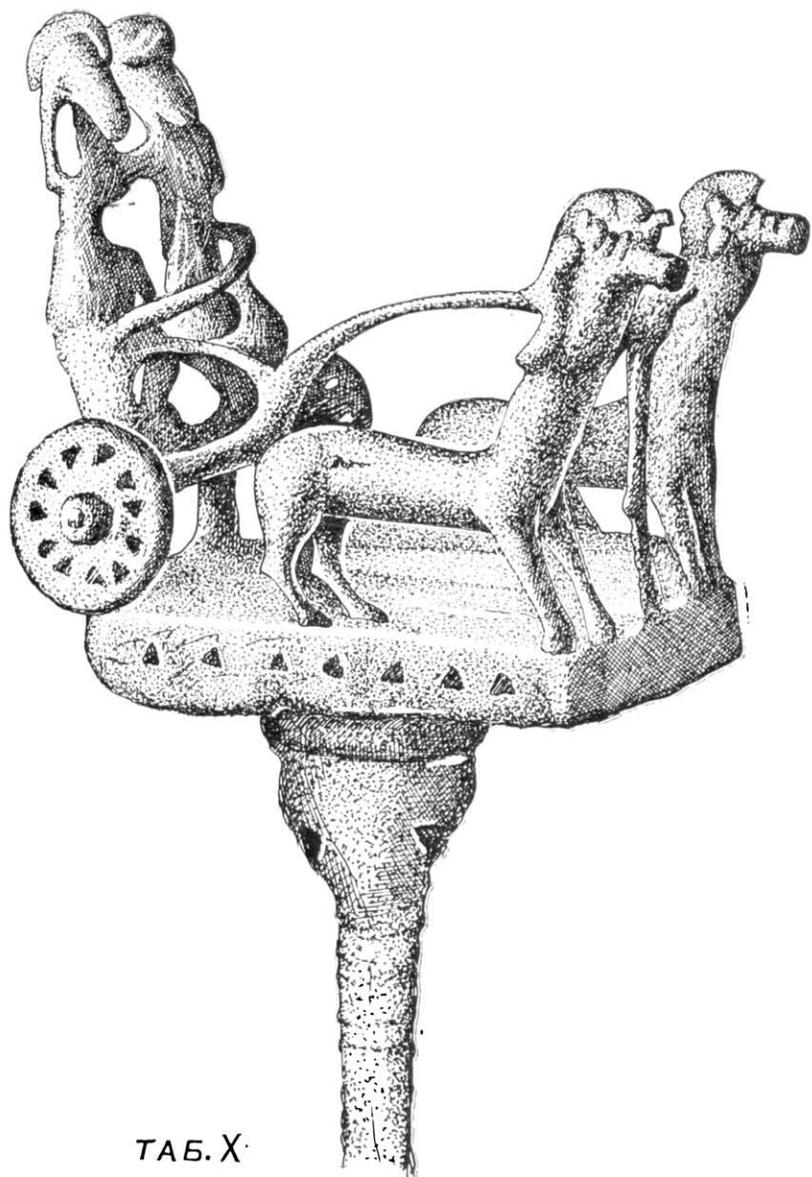
ТАБ. VII

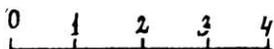
ТАБ. VIII

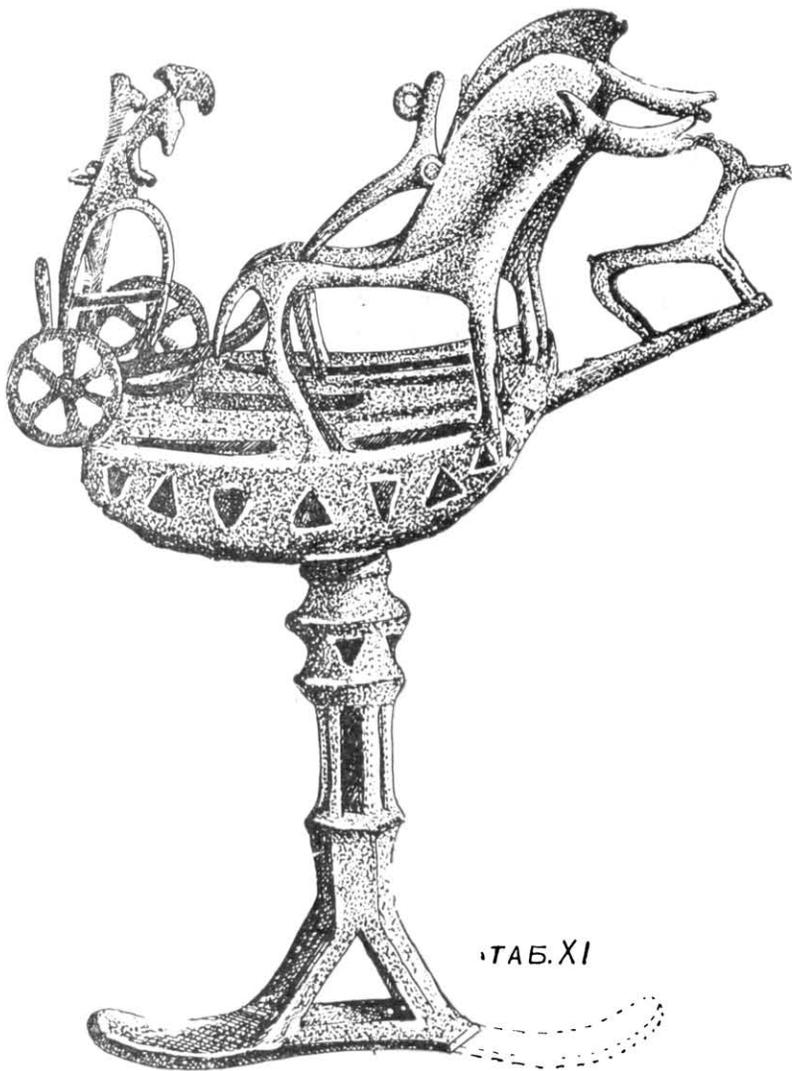

ТАБ. IX

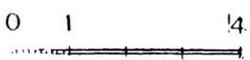

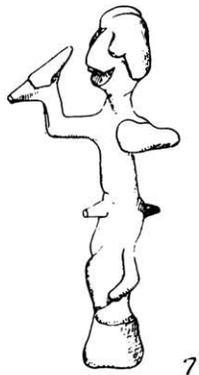
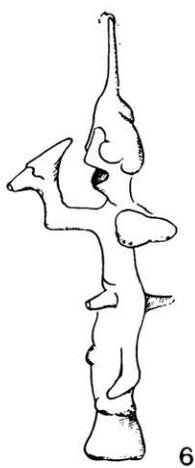
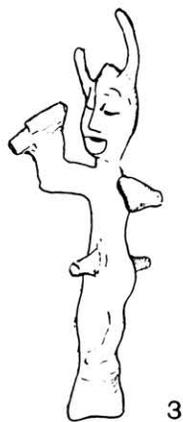
ТАБ. X

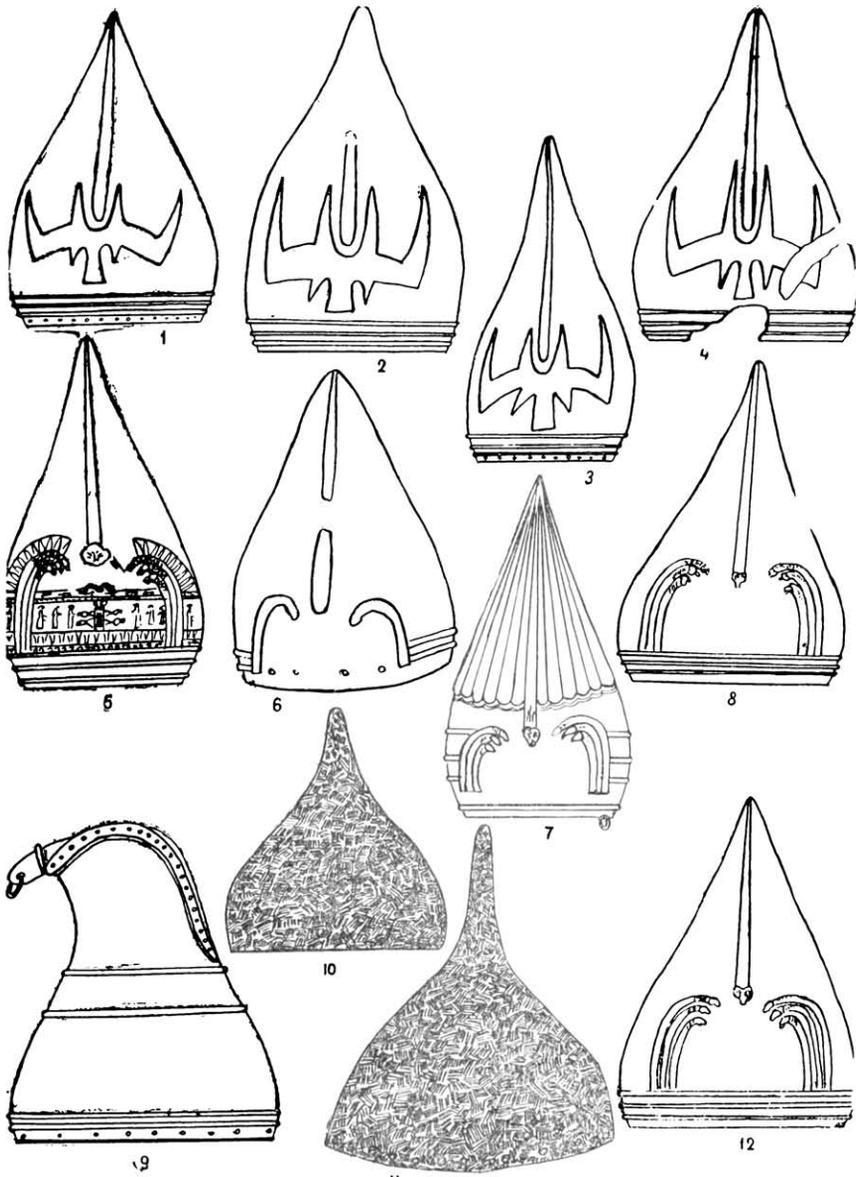
ТАБ. XI

ТАБ. XII

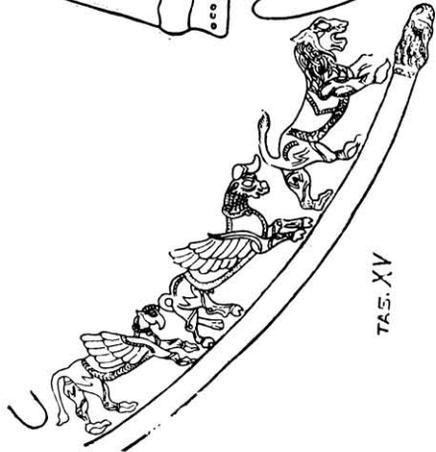
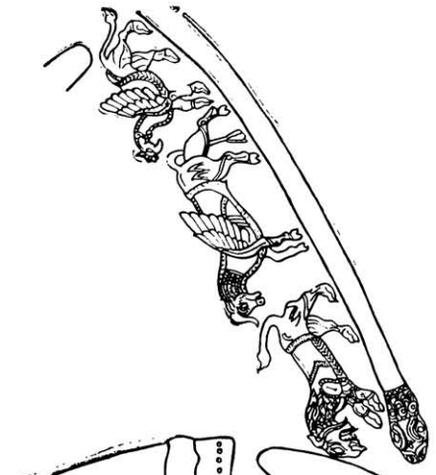
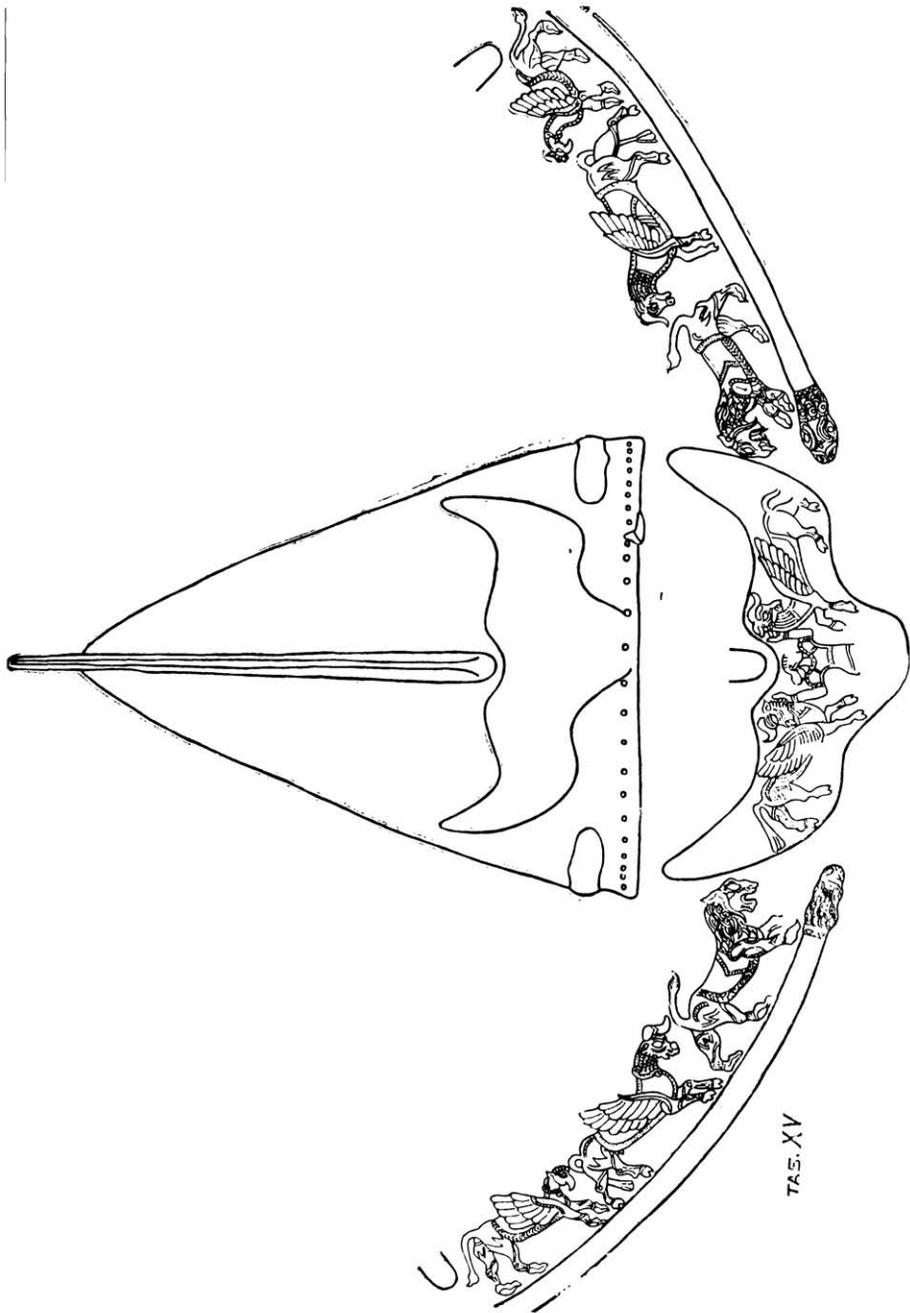

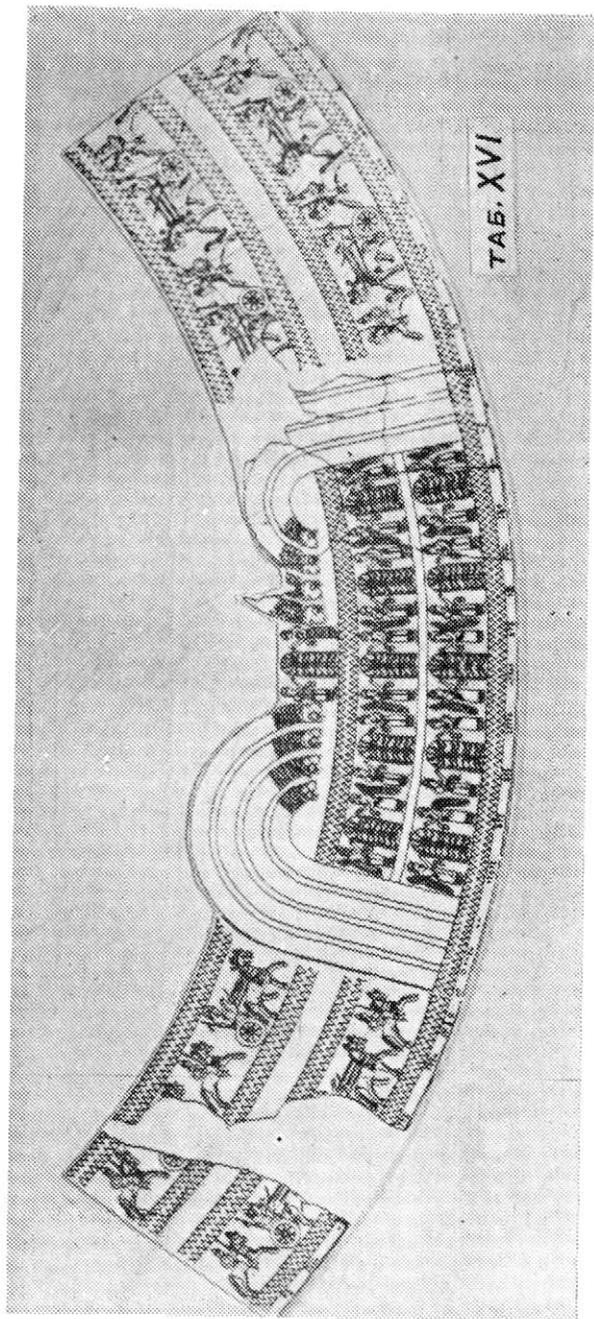
ТАБ. XIII

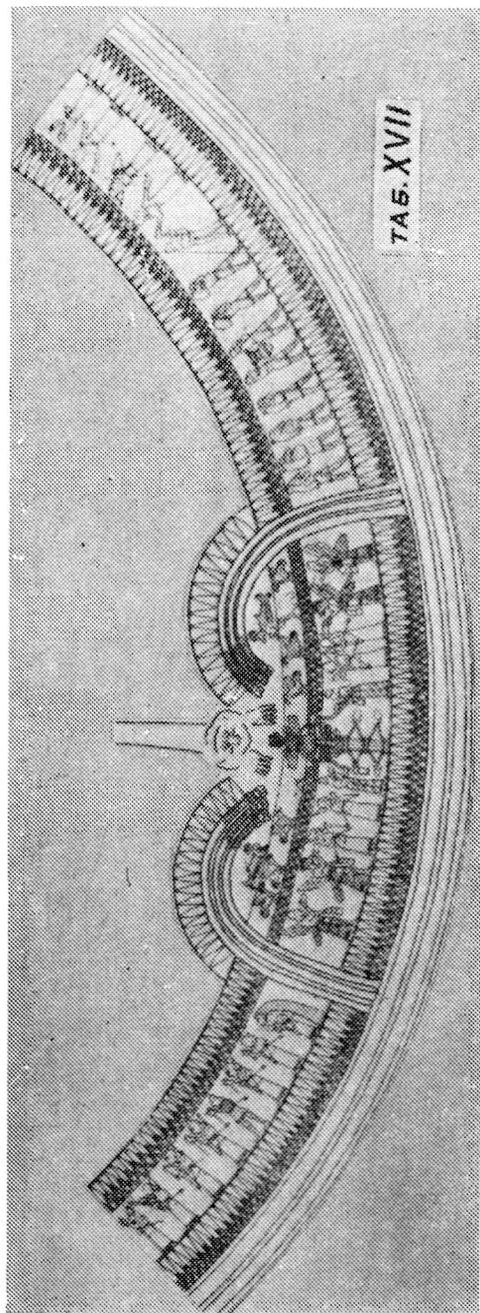
ТАБ. XIV

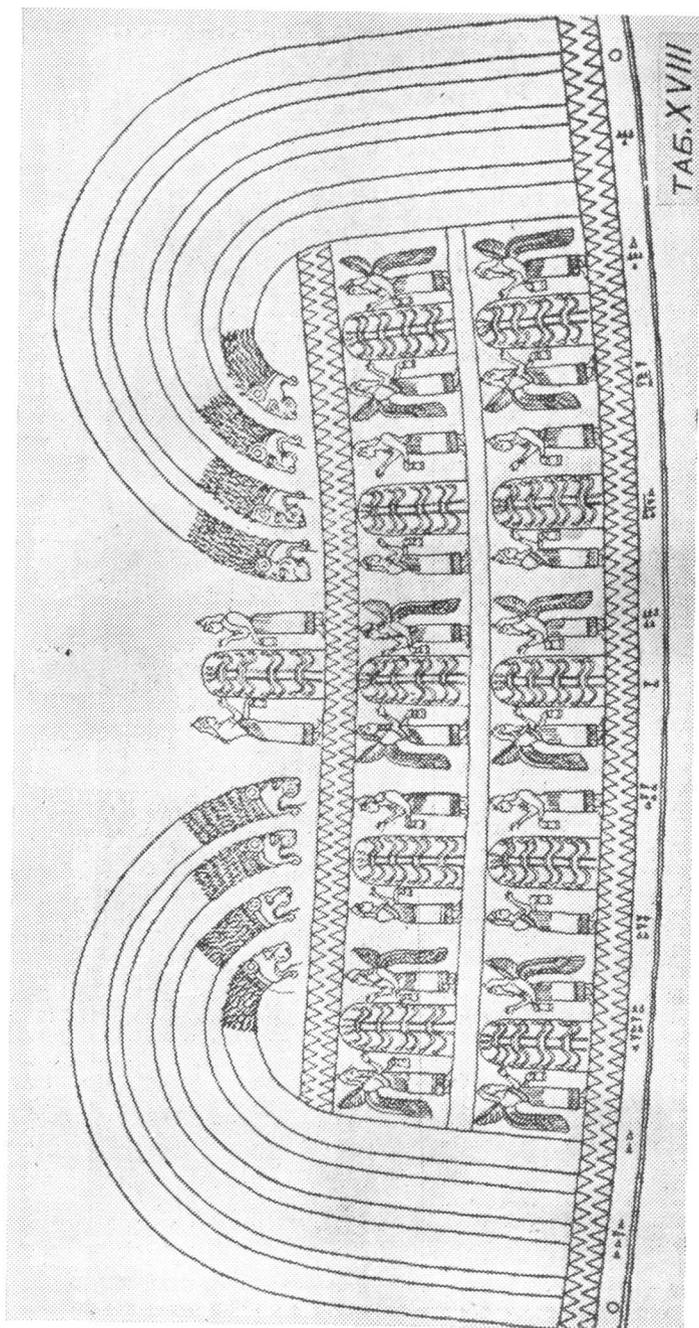
TAS. XV

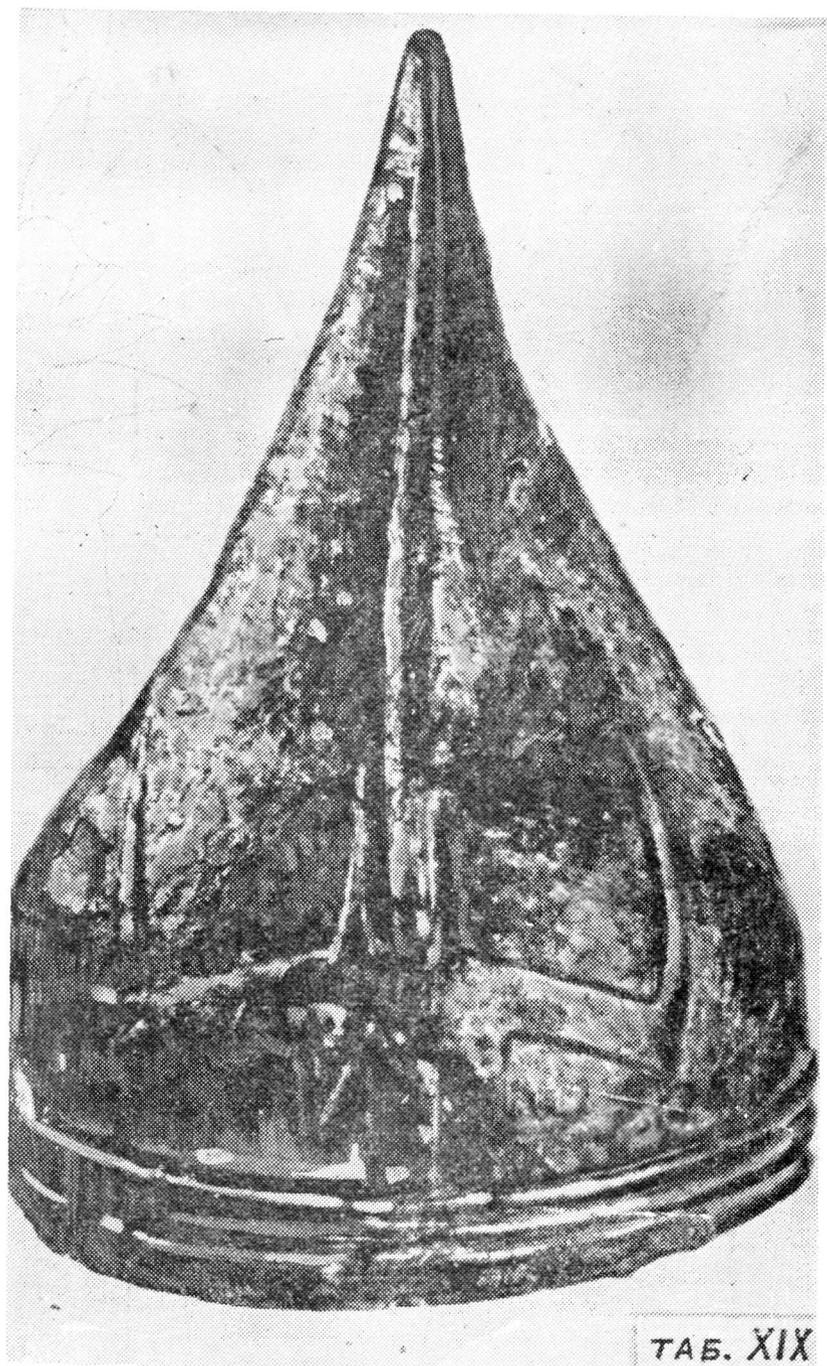
ТАБ. XVI

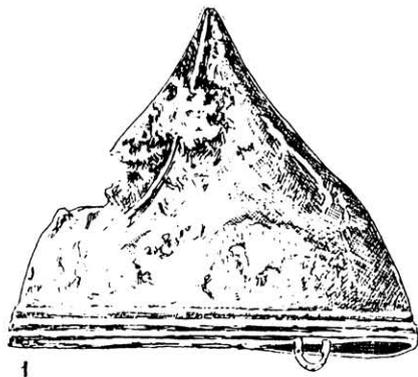
ТАБ. XVII

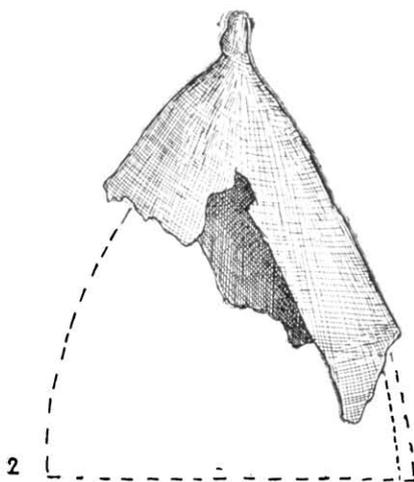
ТАБ. XVIII

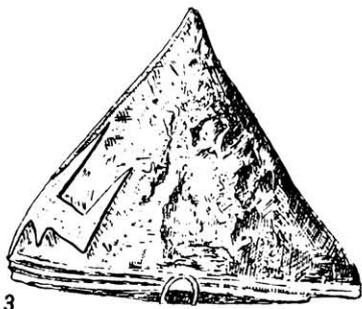
ТАБ. XIX

1

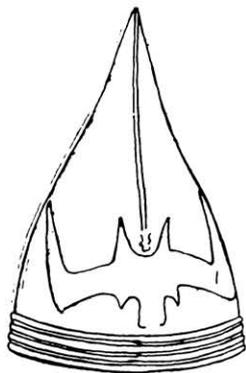
2

3

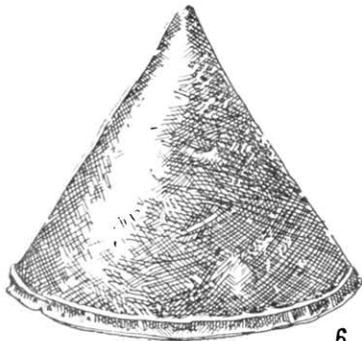

4

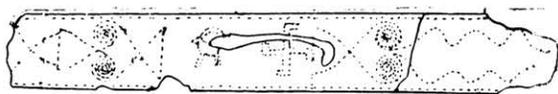
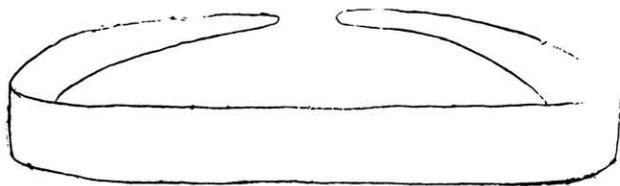

5

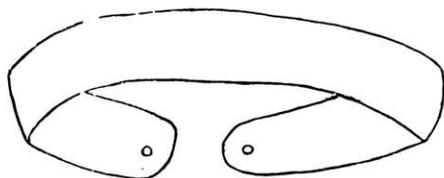
ТАБ. XX

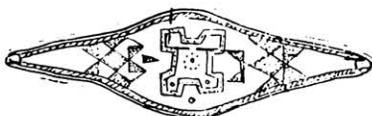
6

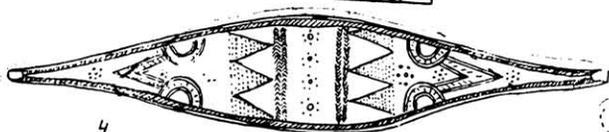
1 0 2 4 6

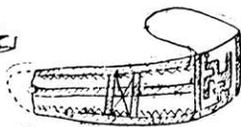
2 0 3 6 9

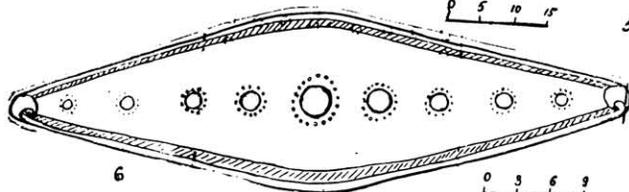
3 0 4 8 12

4 0 5 10 15

5 0 6 10

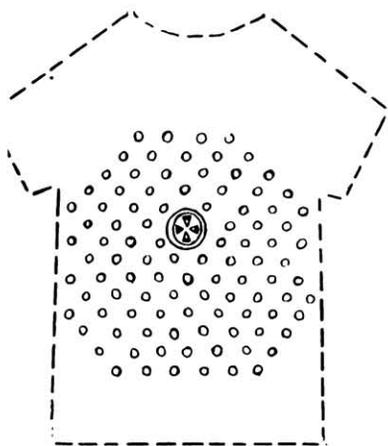

6 0 3 6 9

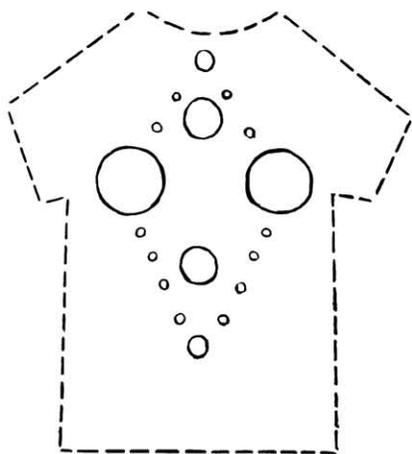

7 0 5 10 15

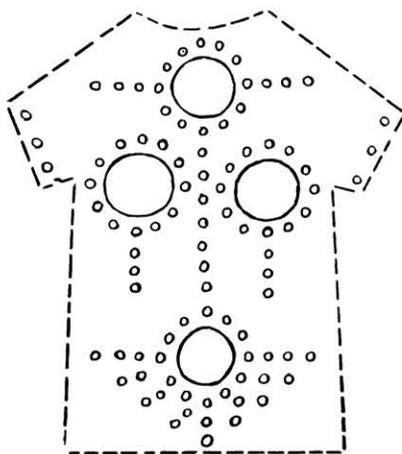
ТАБ. XXI

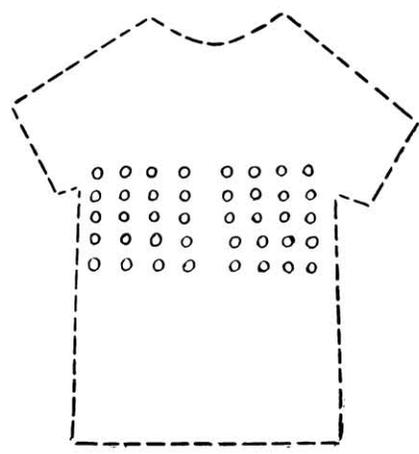
1

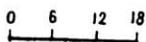
2

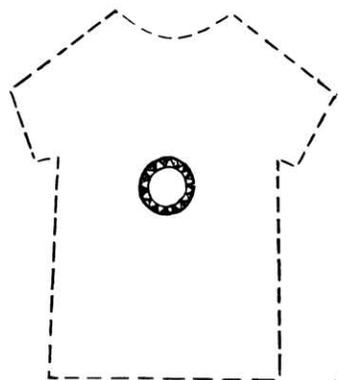
3

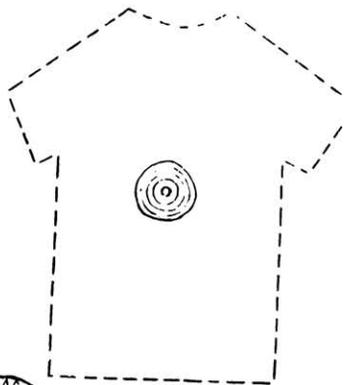
4

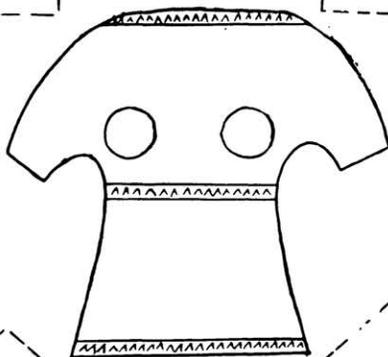
ТАБ. XXII

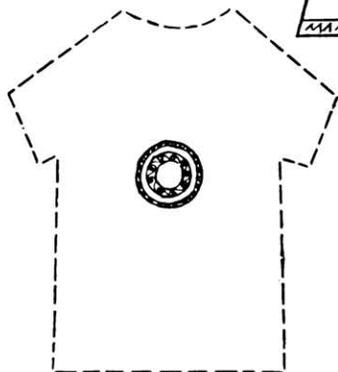
1

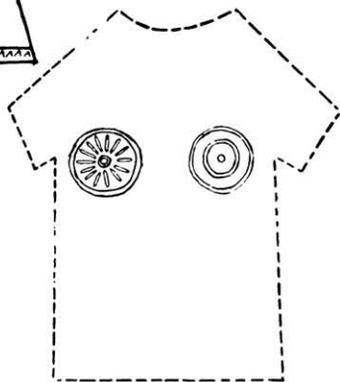
2

5

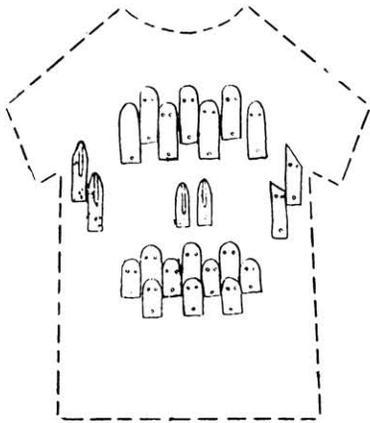

3

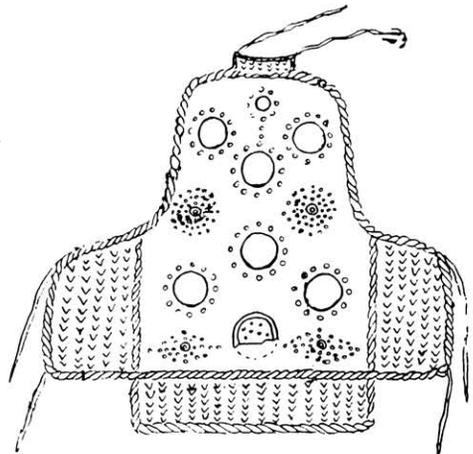

4

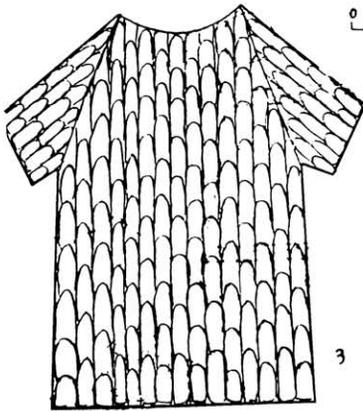
ТАБ. XXIII

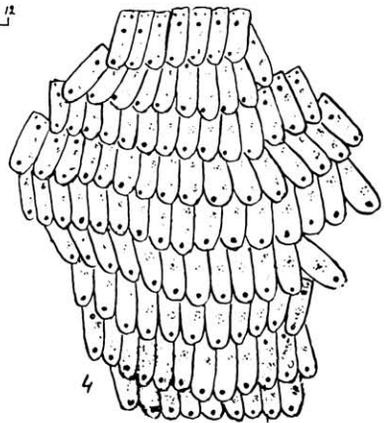
1

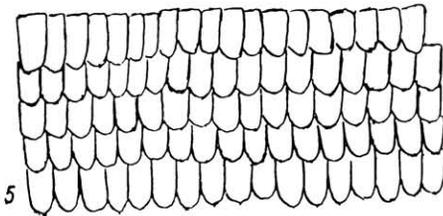
2

3

4

5

ТАБ. XXIV

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Щиты	10
Шлемы	18
Налобные пластины	34
Напцири	39
Пояса	50
Пекторали	55
Заключение	57
Указатель географических и этнических названий	59
Список иллюстраций	63

ЕСАЯН СТЕПАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

ДОСПЕХ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

Представлено к изданию
кафедрой археологии и этнографии ЕГУ

Редактор издательства **Т. М. Арешидзе**
Художник **Ф. Г. Африкян**
Художественный редактор **Н. А. Товмасян**
Технический редактор **А. С. Лявряцян**
Контрольный корректор **А. А. Абрамян**

ИБ 688

Дано в набор 05.02.1986 г. Подписано к печати 14.05.1986 г. ВФ 04064. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Шрифт «Литературный». Способ печати «Высокая». Издательских 4,8 листа. Печатных 5,5 листа = 5,1 условным листам. Тираж 1000. Заказ 204. Цена 75 к.

Издательство Ереванского университета, Ереван, ул. Мравяна № 1.

инография Ереванского университета, Ереван, ул. Абовяна № 52.